

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

Пролегомена къ новому изданію Ибн-Фадлана.

I.

«Записка» или «трактатъ» Ибн-Фадлана объ его путешествіи къ болгарамъ уже очень давно пользуется вполне заслуженной извѣстностью. Ученые историки и оріенталисты наперерывъ старались объяснять показанія арабскаго путешественника, пользовались ими для разрѣшенія немалочисленныхъ спорныхъ или темныхъ вопросовъ исторіи сѣверовосточной Европы и — какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ — приходили къ довольно разнообразной оцѣнкѣ дѣйствительнаго значенія сообщенныхъ Ибн-Фадланомъ свѣдѣній. Но въ одномъ отношеніи всѣ изслѣдователи единодушны и согласны: всѣ признаютъ, что между арабскими извѣстіями о древнихъ рѣсахъ и болгарахъ показаніямъ Ибн-Фадлана принадлежитъ если не безусловно первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Весьма естественно поэтому, что интересъ къ Ибн-Фадлану, со времени появленія перваго перевода одной части его записки въ 1814 году¹⁾, въ ученномъ мѣрѣ не ослабѣвалъ и что около его имени выросла цѣлая литература.

Краеугольнымъ камнемъ этой литературы является и остается до сего времени знаменитое изслѣдованіе Френа, *Ibn Foslan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit etc.* St. P. 1823. Рядомъ съ этимъ капитальнымъ трудомъ, или лучше, какъ необходимое дополненіе къ нему, можно назвать только статьи того-же Френа *Die ältesten arabischen*

1) Въ статьѣ Rasmussen'a, *Om Arabernes og Persernes Bekjendtskab og Handel i Middelalderen med Rusland og Skandinavien.* Въ датскомъ журналѣ «Athene» за 1814 г. Томъ II, стр. 177—225, 297—321, 444—470. (Kjöbenhavn 1814). На стр. 305—318 помѣщенъ переводъ всей статьи Якута о Рѣсахъ. См. Graebn, *Ibn-F.*, p. XXXV, прим. 4.

Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlans Reiseberichte въ Мém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. P. VI-e Série, Sciences pol., Hist., Philol., t. 1, p. 527—577, St. P. 1832 и Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn-Foszlano all. и De Baschkiris quae memoriae prodita sunt ab Ibn-Foszlano al. въ Мém. de l'Acad. des Sc. de St. P., t. VIII. Читая эти работы теперь, спустя болѣе 70 лѣтъ послѣ ихъ появленія, сравнивая ихъ съ работами, посвященными тому-же или аналогичнымъ предметамъ, не знаешь, чему больше удивляться — глубокой-ли и всесторонней учености Френа, критическому ли его умѣнью при обращеніи съ испорченными текстами или же его осмотрительности и осторожности, не переходившимъ однако въ нерѣшительность и не исключавшимъ извѣстной, вполне законной въ научныхъ работахъ такого характера, смѣлости при толкованіи и объясненіи показаній арабскихъ авторовъ. Въ началѣ 19-го столѣтія въ литературѣ востоковѣднія существовало только одно аналогичное по содержанию сочиненіе, которое могло выдержать сравненіе съ Ибн-Фадланомъ Френа—это «Relation de l'Égypte, par Abd-Allatif», безсмертное твореніе единственнаго достойнаго соперника-современника Френа, Сильвестра де Саси. Эти два великихъ имени неограниченно царствуютъ въ области востоковѣднія въ концѣ 18-го и первой трети 19-го столѣтія и трудно рѣшить, кому изъ нихъ принадлежить пальма первенства. Если въ исторіи востоковѣднія вообще Сильвестру де Саси, быть можетъ, и должно быть присуждено первое мѣсто, то для русскаго востоковѣднія и для русской исторической науки имя петербургскаго академика безспорно дороже и вліяніе его глубже и шире. — И такъ велико было обаяніе Френа, настолько ошеломляющимъ оказалось впечатлѣніе, произведенное его, повидимому, необъятной эрудиціей и мощностью его анализа, что всѣ тѣ, которые были въ состояніи по справедливости оцѣнить величіе совершеннаго имъ научнаго подвига, т. е. ориенталисты, какъ бы согласились признать результаты, добытые Френомъ относительно Ибн-Фадлана, окончательными и безповоротными, и слѣдовательно не подлежащими пересмотру. Я не хочу этимъ сказать, чтобы не было никакихъ попытокъ читать или толковать иначе, чѣмъ это дѣлалъ Френъ, отдѣльныя слова арабскаго текста, объяснять иначе то или другое извѣстіе Ибн-Фадлана или другого какого-нибудь арабскаго автора, цитованнаго у Френа; такихъ попытокъ, болѣе или менѣе удачныхъ, отчасти основанныхъ на не бывшихъ доступными Френу новыхъ рукописныхъ матеріалахъ, отчасти обусловленныхъ вообще успѣхами арабской филологіи, на самомъ дѣлѣ было сдѣлано довольно много, и съ ними, конечно, придется считаться будущему издателю и комментатору Ибн-Фадлана, но общаго пересмотра всего вопроса объ Ибн-Фадланѣ и

значенія его записки не было сдѣлано ни однимъ оріенталистомъ, и какъ въ 1823, такъ и въ 1902 году авторитетъ изслѣдованія Френа остается незыблемымъ и непоколебленнымъ.

Гораздо менѣе почтительно отнеслись къ френовскому Ибн-Фадлану неориенталисты. Не будучи въ состояніи правильно оцѣнить всю громадность свершеннаго Френомъ подвига, они естественно обращали все свое вниманіе на самыя показанія изданнаго и объясненнаго имъ арабскаго автора и на значеніе ихъ для различныхъ историческихъ вопросовъ, составлявшихъ въ данное время, такъ сказать, научную злобу дня. Если при этомъ, рядомъ съ мнѣніями глубокообдуманными, основанными на серьезнѣйшемъ изученіи трудовъ Френа, высказывались также по временамъ и взгляды, болѣе или менѣе поверхностные, или обнаруживавшіе недостаточное знакомство съ изслѣдованіями Френа или же даже, въ пылу борьбы, явно пристрастные въ ту или другую сторону, то эти недостатки какъ-бы они ни были предосудительны сами по себѣ, все таки выкупаются, въ общемъ итогѣ, отсутствіемъ того квіетизма и того молчаливаго преклоненія предъ авторитетомъ Френа, которые характеризуетъ отношеніе оріенталистовъ къ френовскому Ибн-Фадлану. Мнѣ кажется, что настало время и для оріенталистовъ пересмотрѣть вопросъ объ Ибн-Фадланѣ съ оріенталистической точки зрѣнія, не столько въ частностяхъ — хотя и онѣ конечно, не должны быть забыты — сколько въ общемъ. Мнѣ кажется, что настала пора для оріенталистовъ спросить себя: неужели въ 1902 году нельзя ничего прибавить къ тому, что сказалъ Френъ въ 1823 и 1832? Неужели современная критика такъ же немощно стоитъ предъ трудомъ этого гиганта востоковѣднія какъ стояла критика ему современная? И тѣмъ болѣе своевременнымъ будетъ ставить этотъ вопросъ теперь, когда послѣдній археологическій съѣздъ въ Кіевѣ въ 1899 г. вновь выдвинулъ на очередь много разъ уже обсуждавшуюся между прочимъ и въ средѣ нашего общества мысль о желательности «изданія въ оригиналахъ и переводахъ отрывковъ изъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношенія къ исторіи славянъ», и когда и на страницахъ «Записокъ» нашего общества¹⁾ завязался споръ о значеніи и достоинствѣ показаній арабскаго путешественника.

Приступая къ попыткѣ отвѣтить на поставленный вопросъ, я долженъ еще разъ оговориться: ученая слава и научныя заслуги Френа не только вообще, но въ частности и по отношенію именно къ изданію и объясненію

1) См. статью А. А. Спицына «О степени достовѣрности Записки Ибн-Фадлана» въ Запискахъ И. Р. Арх. Общ. Т. XI, (нов. серія) стр. 161—166 и бар. В. Г. Тизенгаузена «Въ защиту Ибн-Фадлана» въ Запискахъ Вост. Отд. т. XIII, стр. 024—032.

Ибн-Фадлана останутся на той-же недосыгаемой для насъ, эпигоновъ, вы-сотѣ, какіе бы недочеты съ современной точки зрѣнія мы ни нашли въ его работѣ. Наука несомнѣнно движается впередъ вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ человѣчества, приемы научные совершенствуются, рабочіе инструменты или приборы,—если намъ позволять примѣнять этотъ терминъ къ историческимъ наукамъ — становятся многочисленнѣе и тоньше. Было бы совершенно противуестественно, если бы при такихъ условіяхъ какой нибудь трудъ уцѣлѣлъ въ полной неприкосновенности, въ одинокомъ величіи, недоступнымъ для критики. Необходима и еще одна оговорка: критика сама по себѣ не имѣетъ цѣли созидательной; она только расчищаетъ дорогу для послѣдующей созидательной дѣятельности. Да не подумаетъ поэтому читатель, что въ нижеслѣдующихъ строкахъ найдутся какія нибудь новыя разъясненія многочисленныхъ темныхъ или загадочныхъ мѣстъ Ибн-Фадлана, новыя доводы въ пользу или въ опроверженіе какихъ нибудь этнографическихъ, археологическихъ или историческихъ теорій или мнѣній. Выводы, какіе въ этомъ направленіи могутъ быть сдѣланы изъ настоящей въ полномъ смыслѣ *предварительной* работы, пока меня вообще весьма мало интересуютъ. Для меня важно по возможности опредѣленно формулировать нѣкоторыя основныя положенія, которыя впоследствии могли бы послужить надежной исходной точкой для дальнѣйшаго подробнаго изслѣдованія.

II.

Какъ всѣмъ извѣстно, записка Ибн-Фадлана не дошла до насъ въ подлинникѣ. Сохранялъ намъ нѣкоторые довольно значительные отрывки изъ нея только одинъ арабскій авторъ, писавшій спустя приблизительно 300 лѣтъ послѣ Ибн-Фадлана, составитель большого географическаго словаря — Якутъ¹⁾.

Словарь Якута громадная компиляція, значеніе которой конечно въ полной зависимости отъ характера ея источниковъ и отъ тѣхъ приемовъ, которые примѣнялъ ея авторъ при пользованіи этими источниками. Такъ какъ на этотъ разъ мы интересуемся только однимъ изъ нихъ, прямо названнымъ у Якута трактатомъ или запиской Ибн-Фадлана, то мы можемъ пока оставить въ сторонѣ вопросъ о характерѣ источниковъ Якута вообще, и ограничиться только вопросомъ о томъ, какъ онъ относится къ своимъ источникамъ и какъ пользовался ими. Достаточно-ли разъяснилъ *эту* сторону дѣла

1) Жившіе послѣ Якута авторы цитуютъ Записку Ибн-Фадлана уже изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Что-же касается до нѣкоторыхъ *смысловъ* заимствованій изъ Ибн-Фадлана у авторовъ, писавшихъ ранѣе Якута, то о нихъ придется говорить особо.

Френъ въ своихъ изслѣдованіяхъ? И есть-ли возможность теперь прибавить что-нибудь положительное къ изысканіямъ знаменитаго нашего академика?

Якутомъ Френъ могъ пользоваться только въ весьма плохой и новой, дефектной въ началѣ, рукописи Азіатскаго Музея. Эту рукопись онъ самымъ тщательнымъ образомъ изучилъ отъ начала до конца, и впервые далъ ученому міру правильное общее представленіе о словарѣ Якута, фундаментальномъ произведеніи арабской литературы, о которомъ до него знали очень мало. Изложивъ на стр. XL—XLII своего *Ibn-Fozlan'a* планъ и построение сочиненія Якута, онъ затѣмъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ говоритъ объ его источникахъ и характеризуетъ отношенія къ нимъ автора¹⁾:

«Рядомъ съ собранными имъ самимъ во время его путешествій свѣдѣніями, Якутъ пользовался невѣроятнымъ количествомъ источниковъ, въ сравненіи съ которымъ число источниковъ, использованныхъ Абу-л-Фядой въ его географіи, не имѣетъ никакого значенія. Между ними есть множество древнихъ и цѣнныхъ авторовъ, которые для насъ были настолько-же неизвѣстны по имени, насколько они намъ и до сихъ поръ недоступны. Многолѣтнія и далекія, упомянутыя выше, путешествія Якута, равно какъ и его профессія переписчика, вполнѣдствіи книгопродавца, должны были давать ему достаточно случаевъ знакомиться со многими, быть можетъ, менѣе извѣстными или менѣе распространенными сочиненіями или-же пріобрѣтать таковыя. Но наибольшее число пособій для своего сочиненія онъ нашелъ въ многочисленныхъ и богатыхъ библіотекахъ Мерва (Мерви Шāhidjānъ), знаменитаго города въ Хорасанѣ, въ которомъ онъ жилъ три года. Такииъ-же разсудительнымъ и свободнымъ отъ предразсудковъ мужемъ, какииъ онъ намъ рисуется въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, онъ представляется намъ также при пользованіи многочисленными источниками, къ которымъ онъ имѣлъ доступъ, и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ себѣ все наше уваженіе и любовь. Онъ свободенъ отъ всякаго влеченія къ чудесному; всѣ его стремленія направлены на распространеніе правильныхъ познаній. Его въ одинаковой степени интересовали какъ чужіе края, народы и нравы, такъ и все относящееся къ близкимъ и извѣстнымъ. О первыхъ онъ такъ же старательно собиралъ такіа свѣдѣнія древнихъ писателей, которыя со стороны другихъ авторовъ обыкновенно не удостоивались вниманія. Онъ почти всегда добросовѣстно называетъ по имени авторовъ, изъ которыхъ онъ черпалъ, и отличается осторожностью при пользованіи ими. Если они противурѣчаютъ другъ

1) *Ibn-F.*, p. XLIII—XLV.

другу, онъ обыкновенно не довольствуется простымъ сопоставленіемъ ихъ показаній, но старается выяснитъ, на чьей сторонѣ истина. Удавалось ему это нерѣдко, благодаря его большой начитанности и благодаря тому, что онъ самъ видѣлъ и слышалъ во время своихъ путешествій. Если онъ въ однихъ случаяхъ прямо критикуетъ автора, наказания котораго ему кажутся не совсѣмъ согласными съ истиной, то въ другихъ, когда онъ не можетъ контролировать свои источники, онъ рѣдко безъ оговорки и безъ выраженія своего сомнѣнія приводитъ извѣстія, которыя ему кажутся не совсѣмъ вѣроятными и отчасти на самомъ дѣлѣ должны почитаться маловѣроятными. «Онъ-де не можетъ», говорятъ онъ тогда нерѣдко, «поручиться за достовѣрность этихъ извѣстій. Самъ же онъ не былъ въ тѣхъ странахъ и не имѣлъ также и случая провѣрить эти свѣдѣнія по рассказамъ бывшихъ тамъ лицъ. И хотя-де то, что онъ выписываетъ, ему самому кажется нѣсколько невѣроятнымъ и страннымъ, но онъ не рѣшился выкинуть все это, такъ какъ онъ вѣдь можетъ и ошибиться въ своей оцѣнкѣ, и такъ какъ всетаки небезынтересно знать, что другіе люди говорятъ. По этому онъ и передаетъ то, что названный имъ авторъ въ своей книгѣ рассказываетъ, безъ всякихъ измѣненій, его-же словами. Пусть теперь авторъ самъ отвѣчаетъ за достовѣрность своихъ показаній» и т. д. 1).

Какъ рѣзко всѣмъ этимъ выдѣляется нашъ Якутъ среди обыкновенной толпы арабскихъ космографовъ, которые частью не имѣютъ никакого понятія о критикѣ, мѣшаютъ безъ разбора старое съ новымъ, которые такъ надки на все имѣющее отбѣнокъ чудеснаго и такъ охотно сообщаютъ такія свѣдѣнія съ полной вѣрой, не высказывая ни малѣйшаго сомнѣнія, которые, когда они черпаютъ изъ того-же источника, какъ Якутъ, или же изъ него самого, не умѣютъ отличать важное отъ неважнаго и часто, опуская самыя интересныя извѣстія, заносятъ въ свое сочиненіе только то, что подходило къ ихъ пристрастію къ чудесному».

Если мы къ этому прибавимъ, что Френъ при изложеніи плана Якутова словаря съ похвалою отмѣчаетъ 2), что авторъ большею частью избѣгаетъ обыкновенной ошибки другихъ арабскихъ географовъ, т. е. перепутыванія старыхъ свѣдѣній съ новыми, и въ комментаріи иногда указываетъ 3) на благоразуміе Якута, когда онъ, приводя явно фанта-

1) Въ примѣчаніи Френъ указываетъ на статьи словаря Сінъ, Рѣмъ, Рѣмія, Боргаръ, Стѣна Яджуджа, Италь, Хорезмъ «и другія».

2) Ыв-Ф., р. XLII.

3) Наприм. на стр. 228.

стяжныя вещи, отказывается отвѣчать за ихъ достовѣрность, то мы имѣемъ предъ глазами все, что Френъ говоритъ о литературной фizioноміи арабскаго компилятора и объ его отношеніяхъ къ источникамъ. Характеристика Якута, данная Френомъ, въ общихъ чертахъ безъ сомнѣнія вѣрна и ни одинъ современный арабистъ не откажется подписать ее¹⁾, если ему предложить въ краткихъ словахъ характеризовать Якута и его значеніе въ сравненіи съ другими *позднѣйшими* арабскими космографами, но она все-таки нуждается въ нѣкоторыхъ довольно существенныхъ оговоркахъ и дополненіяхъ, если мы для сравненія возьмемъ болѣе раннихъ авторовъ. Кромѣ того мы можемъ нѣсколько оживить ее, такъ какъ имѣемъ возможность пользоваться полнымъ текстомъ Якута.

III.

Издавая свои извлеченія изъ Якута Френъ, конечно, не довольствовался петербургскимъ спискомъ, а всегда путемъ переписки съ учеными коллегами добывалъ себѣ различныя изъ всѣхъ другихъ, тогда извѣстныхъ рукописей. Но онъ, дорожа временемъ своихъ собратій, повидимому, не считалъ нужнымъ тревожить ихъ просьбой о сообщеніи ему недостающаго въ петербургскомъ спискѣ начала введенія яля, лучше, предисловія Якута. Въ этомъ предисловіи есть мѣста, съ необыкновенной рельефностью рисующія намъ нѣкоторыя основныя черты литературнаго облика арабскаго компилятора и есть кромѣ того еще кое-что и стоящее въ тѣсной связи съ ближайшею интересующею насъ темой, какъ мы увидимъ впоследствии. Я поэтому позволю себѣ привести наиболѣе важныя мѣста предисловія въ точномъ переводѣ²⁾:

«Я старался исчерпать для тебя полезныя свѣдѣнія, большую часть ихъ или даже всѣ, и далъ тебѣ добровольно, отъ чистаго сердца, власть связывать ихъ и разрѣшать. И я упоминаю многія вещи, отъ которыхъ отрекается разумъ и которыхъ избѣгаетъ природа мало мальски образованныхъ людей, такъ какъ онѣ далеки отъ всего привычнаго и обычнаго и не согласуемы со всѣмъ когда-либо видѣннымъ и узнаннымъ, — хотя впрочемъ ничего нѣтъ невозможнаго въ виду

1) Почти дословно повторяетъ наиболѣе существенныя мѣста ея молодой нѣмецкій ученый J. Neer, Die historischen und geographischen Quellen in Jāqūt's Geographischem Wörterbuch. Strassb. 1898, p. 2—3.

2) Jacut's Geogr. Wörterbuch herausgegeben von F. Wüstenfeld I, 2, 10—11, 2. Сокращенная передача всего предисловія находится у Barbier de Meynard, Dict. géogr. de la Perse, p. VIII—XI, который, однако, самыя характерныя мѣста сильно скомкалъ. Характеристика Якута у него впрочемъ менѣе восторженна, чѣмъ у Френа. См. I. с., p. XV.

всемогущества Творца и изворотливости твари. Я самъ сомнѣваюсь въ нихъ (т. е. этихъ разсказахъ), бѣгу отъ нихъ, отрекаюсь предъ читателемъ отъ отвѣтственности за ихъ достовѣрность. Занесъ-же я ихъ, желая сохранять свѣдѣнія, и стремясь къ пріобрѣтенію какъ цѣльнаго ожерелья ихъ, такъ и отдѣльныхъ жемчужинъ. Ибо, если они окажутся правдой, то мы получимъ за нихъ долю говорящаго правду, а если они окажутся ложью, то въ нихъ все же будетъ частица и доля правды, потому что я передаю ихъ такъ, какъ нашель. Такимъ образомъ я буду правдивъ, помѣщая ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ помѣщаю, съ тою цѣлью, чтобы ты зналъ, что объ этомъ предметѣ говорится, все равно, правда-ли или ложь. Ибо, если кто нибудь, напримѣръ, говоритъ: я слышалъ, что Зейдъ вралъ, то ты, конечно, пожелаешь знать, каково было его вранье. И вотъ великіе учителя священныхъ преданій, которые служатъ примѣромъ для всѣхъ временъ, и на авторитетѣ которыхъ зиждутся безусловно обязательныя и условно обязательныя постановленія «Закона» — вѣдъ большая часть ихъ въ своихъ сборникахъ преданій, на которыхъ строятся постановленія «Закона», и при помощи которыхъ различаютъ между дозволеннымъ и запрещеннымъ, не поставили себѣ правиломъ помѣщать только преданія «здоровыя»¹⁾ помимо «больныхъ», изгонять «кривыя» и принимать только «прямыя», а тѣмъ не менѣе не перестаютъ ихъ считать людьми правдивыми и занимающими степенъ учителей-проповѣдниковъ истины. Они вѣдъ внесли (въ свои сборники) то, что слышали, такъ, какъ они запомнили, лжецомъ же считаютъ только того, кто сочиняетъ преданіе, или же передаетъ его со словъ того, отъ кого онъ не могъ его слышать, или приводитъ его по записи такого учителя, отъ котораго онъ не могъ его получить. Если же онъ передаетъ то, что слышалъ, такъ, какъ онъ слышалъ, то онъ долженъ считаться изъ числа правдивыхъ, а отвѣтственность лежать уже на томъ, со словъ котораго онъ передаетъ, за исключеніемъ того случая, когда передающій какое-нибудь преданіе самъ достигъ степені муджетеида²⁾; тогда онъ можетъ его приводить и затѣмъ исправлять. Если бы дѣло обстояло не такъ, то множество преданій не имѣло бы никакой силы. На насъ

1) «Здоровыми» называются по терминологіи «науки преданія» вполне достовѣрныя, а «больными» сомнительныя по той или другой причинѣ преданія.

2) Терминъ, обозначающій человѣка, достигшаго такой степені званія, что по общему мнѣнію современниковъ имѣетъ право самостоятельно выводить обязательныя для правдивыхъ постановленія изъ священныхъ текстовъ, входя въ разборъ ихъ по существу, а не только по формѣ передачи.

же лежитъ обязанность подражать имъ (этимъ великимъ учителямъ) и держаться ихъ правилъ.

Ни одинъ смысленный человѣкъ не станетъ отвергать, что придирчивый, пристрастный критикъ утомляетъ себя и другихъ, и ни одинъ разсудительный человѣкъ не будетъ отрицать, что, напротивъ того, справедливый критикъ доставляетъ успокоеніе себѣ и другимъ. И гдѣ тотъ, кому дана непогрѣшимость и кто всякимъ словомъ объемлетъ знаніе? А кто ищетъ знанія, найдетъ его. И такъ, я также способенъ спотыкаться, и, не смотря на всѣ старанія, сбиваться съ пути къ достиженію истины. И если кто отъ меня потребуетъ непогрѣшимости, то пусть поищетъ ее сперва у самого себя. И если онъ ее у себя не найдетъ, то тѣмъ самымъ онъ установитъ и наше оправданіе и попадетъ прямо въ пѣль. Если же онъ утверждаетъ, что онъ достигъ непогрѣшимости, то съ нимъ нечего разговаривать» . . .

Затѣмъ Якутъ намъ объясняетъ, что онъ въ виду приближавшейся старости, болѣзненнаго состоянія и другихъ причинъ съ болью въ сердцѣ и со слезами на глазахъ долженъ былъ ограничиться тѣми матеріалами и тѣмъ объемомъ книги, которыя онъ представляетъ на судъ читателей, вполне сознавая, что первыя далеко не исчерпаны и что объемъ книгѣ легко могъ быть придавъ во много разъ болѣшій. Онъ выражаетъ надежду, что наградой за всѣ понесенныя имъ труды будутъ молитвы за него благочестивыхъ правовѣрныхъ, дабы онъ былъ воскрешенъ въ день Суда въ сонмѣ праведниковъ. Къ переписчикамъ же и ко всѣмъ пользующимся его книгой онъ обращается съ убѣдительною просьбой не разбрасывать того, что онъ собралъ, не разъединять того, что онъ соединилъ, не удалять изъ назначеннаго имъ мѣста «драгоценныхъ камней» путемъ сокращеній и извлеченій.

«Знай», говоритъ онъ, «что сокращающій какую нибудь книгу уподобляется тому, кто нападаетъ на человѣка красиваго, совершеннаго, отрѣзываетъ ему члены и затѣмъ бросаетъ его безрукимъ, безпогимъ, безглазымъ, безухимъ, или тому, кто срываетъ съ женщины всѣ ея украшенія и оставляетъ ее безъ одежды, или тому, кто лишаетъ воина оружія и оставляетъ его беззащитнымъ, пѣшимъ. Объ ал-Джѣхизѣ¹⁾ разсказываютъ, что онъ сочинилъ книгу, раздѣливъ ее тщательно на главы. И одинъ изъ его современниковъ взявъ ее, выпустилъ изъ нея многое и сдѣлалъ изъ нея нѣчто похожее на остатки брошеннаго трупa. Тогда ал-Джѣхизъ его призвалъ и сказалъ: Авторъ

1) Знаменитый литераторъ-полигисторъ 3-го вѣка хиджры, сохранившіяся драгоценныя сочиненія котораго теперь издаетъ G. van Vloten.

книги уподобляется живописцу. И вотъ я въ своей книгѣ какъ бы изобразилъ фигуру, у которой были два глаза: ты ей выкололъ ихъ — да лишишь тебя Богъ обоихъ глазъ твоихъ! Было у нея два уха — ты ихъ отрѣзалъ! Да отрѣжетъ тебѣ Богъ оба уха! Были у нея двѣ руки — ты ихъ отсѣкъ! Да отсѣчетъ у тебя Богъ руки! И такимъ образомъ онъ перечислилъ всѣ члены. Тогда тотъ мужъ извинился передъ нимъ тѣмъ, что онъ по глупости своей этого не понималъ и обѣщалъ, что никогда ничего подобнаго больше не сдѣлаетъ»...

Мы видимъ изъ приведенныхъ мѣстъ, что Якутъ вполне сознательно пользуется такими источниками, въ достовѣрности показаній которыхъ онъ самъ по тѣмъ или другимъ причинамъ сомнѣвается. Оправданіе себѣ находитъ онъ съ одной стороны въ подобномъ же образѣ дѣйствія великихъ учителей богословской науки, точнѣе, той ея отрасли, которая, будучи первой по времени возникновенія, первая выработала извѣстные приемы ученой работы и тѣмъ самымъ наложила свою неизгладимую печать на всю научную дѣятельность мусульманъ, т. е. науки преданія. Какъ тѣ великіе учителя въ свои сборники принимали преданія сомнительныя, «слабыя» или «больныя» по принятой терминологіи, и тѣмъ не менѣе продолжали пользоваться репутаціей правдивыхъ, надежныхъ руководителей, такъ и онъ, Якутъ, считаетъ себя въ правѣ помѣщать въ свой сборникъ свѣдѣнія, которыя считаетъ сомнительными, не боясь потерять славу любящаго истину писателя, если только онъ эти свѣдѣнія сообщаетъ точъ въ точъ и букву въ букву такъ, какъ онъ ихъ слышалъ или нашелъ въ книгахъ. Онъ при такомъ условіи расчитываетъ даже на ту награду въ мірѣ будущемъ, которая обѣщана говорящему правду, такъ какъ правдиво передаетъ то, что самъ получалъ. Съ другой стороны онъ находитъ себѣ оправданіе въ томъ общечеловѣческомъ соображеніи, что его сужденіе о достовѣрности даннаго показанія, не непогрѣшимо, что онъ можетъ ошибаться и слѣдовательно, опустивъ казавшееся ему сомнительнымъ извѣстіе, можетъ лишить читателей полезнаго для обогащенія его познаній свѣдѣнія. Всѣ эти разсужденія Якута, конечно, внушаютъ намъ искреннее уваженіе и къ его здравому взгляду на предстоящую ему задачу и къ его добросовѣстному отношенію къ дѣлу, прежде всего въ теоріи. Такъ ли онъ поступалъ на самомъ дѣлѣ? На этотъ вопросъ даетъ какъ будто достаточный отвѣтъ выписанная выше Френова характеристика Якута, такъ какъ Френъ предисловія не зналъ и свою характеристику далъ уже на основаніи изученія самого текста. Но все сказанное Френомъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ только одну сторону дѣла, именно извѣстное критическое отношеніе Якута къ отдѣльнымъ сообщаемымъ въ нѣкоторыхъ его источникахъ свѣдѣніямъ, на

почвъ неправдоподобности этихъ свѣдѣній съ точки зрѣнія образованнаго, «интеллигентнаго» мусульманина. Этотъ, выдвинутый такимъ образомъ на первый планъ, здоровый скептицизмъ арабскаго компилятора не бросаетъ однако никакого свѣта ни на его отношеніе къ авторамъ, приводящимъ такіа свѣдѣнія, ни на его обращеніе съ текстомъ использованныхъ имъ авторовъ, т. е. на то, что для насъ всего важнѣе. Изъ предисловія же Якута мы, помимо заявленія вообще о томъ, что авторъ прилагаалъ всяческія старанія, чтобы его книга вышла по возможности совершенной, можемъ, правда, подчеркнуть увѣренность въ томъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ, когда съ его точки зрѣнія показанія какого-нибудь источника неправдоподобны, слова этого источника рѣшилъ приводить вполнѣ точно, такъ сказать, букву въ букву. Нашъ авторъ не разъ въ самомъ текстѣ повторяетъ это обѣщаніе, когда онъ приводитъ подобнаго рода свѣдѣнія, что и было уже отмѣчено Френомъ. Но представленіе о томъ, насколько Якутъ исполняетъ свое обѣщаніе, и *какъ вообще* онъ велъ свою компилятивную работу въ дѣйствительности, между прочимъ и тогда, когда онъ имѣлъ предъ собою показанія, *не* противурѣчившія его міровоззрѣнію, мы конечно не узнаемъ изъ его предисловія, не узнаемъ также и изъ изслѣдованія Френа.

IV.

Вопросъ этотъ такъ сложенъ, что даже и теперь онъ не можетъ быть разрѣшенъ въ полной мѣрѣ. Во времена же Френа и приступать къ нему не было возможности. Припомнимъ, что тогда изъ множества цитруемыхъ Якутомъ авторовъ, если исключить нѣкоторыя поэтическія произведенія, въ текстѣ не былъ изданъ ни одинъ, въ плохихъ переводахъ были доступны только: одна глава изъ ал-Масудія и географическое сочиненіе псевдо-Ибн-Хаукаля, переведенное Ouseley на англійскій языкъ съ персидскаго перевода. Впослѣдствіи Френъ получалъ нѣкоторыя особо его интересовавшія мѣста изъ арабскаго Ибн-Хаукаля и ал-Масудія. Судить о приемахъ Якута слѣдовательно можно было только на весьма шаткомъ основаніи достоинства самихъ приводимыхъ имъ фактовъ. Теперь же мы имѣемъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ источниковъ Якута въ болѣе или менѣе критическихъ изданіяхъ; нѣкоторые другіе, хотя и не изданы, болѣе или менѣе доступны въ различныхъ рукописныхъ собраніяхъ. Упомянемъ изъ первой категоріи серію арабскихъ древнихъ географовъ и космографовъ, изданную de Goeje, «Книгу завоевавшей странъ» ал-Белâзорія, изданную тѣмъ-же ученымъ, «Золотыя луга» ал-Масудія въ изданіи Barbier de Meynard'a; изъ второй же категоріи огрѣвчимся указаніемъ на одинъ изъ наиболѣе усердно пспользованныхъ

Якутомъ источниковъ, на большой біографической сборникъ ал-Сам'анія, и на «Книгу монастырей» ал-Шабуштія. Я совершенно умалчиваю о многочисленныхъ сборникахъ стихотвореній. Не смотря на такое относительное обиліе матеріала разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса весьма затруднительно. Дѣло въ томъ, что большая часть названныхъ арабскихъ сочиненій существовала въ двухъ, иногда трехъ, въ подробностяхъ часто сильно разнившихся другъ отъ друга редакціяхъ. Слѣдовательно, сравненіе текста Якута съ текстомъ цитованныхъ имъ источниковъ, доступныхъ въ изданіяхъ или рукописяхъ, не всегда еще даетъ право судить объ его способѣ обращаться съ источниками, такъ какъ надо считаться съ возможностью, что у Якута въ рукахъ была другая редакція даннаго сочиненія. Далѣе не должно терять изъ вида, что и трудъ Якута дошелъ до насъ въ далеко не безупречныхъ спискахъ, весьма не древнихъ. Вслѣдствіе этого мы поставлены по отношенію къ Якуту въ гораздо худшія условія, чѣмъ, напримѣръ, по отношенію къ другому знаменитому арабскому компилятору, Ибн-Халликану, котораго сочиненіе почти цѣликомъ сохранилось въ автографѣ. Является, такимъ образомъ, опасность, что разные недочеты и недостатки, имѣющіе свой источникъ въ торопливости или недомыслии переписчиковъ, могутъ быть поставлены въ счетъ самому автору. И наконецъ, надо всегда помнить, что Якутъ былъ не простой компиляторъ-географъ, какъ ал-Идрісіи, или Абу-л-Фида, или компиляторъ-историкъ, какъ ал-Табарій, Ибн-ал-Асиръ и многіе другіе, а компиляторъ-энциклопедистъ, выбравшій въ добавокъ для своего труда форму словарную, очень удобную, конечно, для справочной книги, но представляющую также и очень много опасностей для составителя: когда связный рассказъ источника разрывается, для размѣщенія частицъ его подъ отдѣльными именами, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу легче вкрадываются ошибки, чаще являются разныя недоразумѣнія. Если мы затѣмъ еще напомнимъ, что вообще вслѣдствіе отсутствія знаковъ препинанія и нѣкоторыхъ особенностей арабскаго литературнаго языка часто бываетъ очень нелегко въ точности опредѣлить, гдѣ кончается цитата, то читатель будетъ поставленъ въ возможность оцѣнить, какъ сложенъ и труденъ для разрѣшенія вопросъ объ обращеніи Якута съ источниками, и убѣдится конечно въ томъ, что тутъ требуется цѣлый рядъ монографическихъ изслѣдованій самого детальнаго характера.

Въ этомъ направленіи пока сдѣлано еще очень мало. Есть вообще только одна специальная работа, посвященная вопросу объ источникахъ Якута, но въ ней вопросъ о приѣмахъ Якута стоитъ далеко не на первомъ планѣ. Это — весьма полезная и старательно составленная диссертація мо-

лодого нѣмецкаго ученаго F. Justus Heer, Die historischen u. geographischen Quellen in Jāqūt's Geographischem Wörterbuch. Strassburg, 1898. 112 p. in 8°. Авторъ въ первой ея главѣ перечисляетъ всѣ цитованныя у Якута, какъ источники, книги историко-географическаго, космографическаго и біографическаго характера и указываетъ всѣ мѣста, гдѣ онѣ цитуются. Вторая и третья главы разбираютъ отношенія Якута къ двумъ очень сильно имъ использованнымъ авторамъ, именно къ ал-Белазорію и ал-Шабустію, и представляютъ, до извѣстной степени, попытку именно такихъ монографическихъ изслѣдованій, о желательности и необходимости составленія которыхъ мы только что упомянули. вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ-же, какъ мы увидимъ ниже, служатъ хорошей иллюстраціей тому, что мы выше сказали о трудности и сложности подобныхъ работъ. Нѣсколько цѣнныхъ относящихся сюда замѣчаній разбросано въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ de Goeje къ изданнымъ имъ арабскимъ географамъ, особенно въ предисловіи къ V-му тому¹⁾. Но всего этого далеко недостаточно для сколько-нибудь полной характеристики приемовъ Якута и приходится такимъ образомъ сознаться, что мы не далеко ушли отъ Френа. Поэтому, рассуждая строго теоретически, *первой задачей будущаго комментатора Ибн-Фадлана должно быть возможно полное изслѣдованіе этой стороны дѣла.*

V.

Проѣрка приемовъ Якута путемъ сравненія его текста съ текстомъ сохранившихся его источниковъ, въ интересахъ болѣе опредѣленнаго очерченія литературной фізіономіи арабскаго полгиистора, не есть однако единственное требованіе, которое съ точки зрѣнія современной науки можетъ быть предъявлено къ ориенталистамъ. Мы склонны даже думать, что общее состояніе востоковѣднія еще таково, что такая проѣрка, какъ она ни желательна и необходима сама по себѣ, можетъ быть еще нѣсколько отложена, когда рѣчь идетъ о *нѣкоторыхъ* вошедшихъ въ компіляцію Якута матеріалахъ, выходящихъ изъ обыкновенной сферы мусульманскихъ культурныхъ интересовъ и представляющихъ особую важность для насъ по своему содержанію, тѣмъ болѣе, когда они являются у самого Якута въ связанномъ до извѣстной степени разказѣ, хотя бы и разорванномъ, согласно общему плану словаря, на нѣсколько частей. При детальномъ объясненіи такихъ матеріаловъ безъ сомнѣнія отсутствіе твердой почвы для сужденія о писа-

1) Мы воспользуемся тѣмъ, что пригодно для нашей цѣли, въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей нашей работы.

тельскихъ приѣмахъ Якута всегда дастъ себя знать, но общее, я бы хотѣлъ сказать, гуртовое, использование, для историческихъ цѣлей, подобныхъ матеріаловъ вполне возможно, если выводы изъ нихъ будутъ дѣлаться съ должной осторожностью и необходимыми оговорками, и если по возможности полно и основательно будетъ представлено и освѣщено все то, что можетъ дать самъ Якутъ для *общей* оцѣнки такого рода свѣдѣній. Все сказанное въ полной мѣрѣ приложимо къ спасеннымъ для насъ Якутомъ отрывкамъ изъ записки или трактата Ибн-Фадлана.

Самыя условія, при которыхъ работалъ Френъ, лишили его, какъ мы видѣли, возможности употреблять въ дѣло самое вѣрное средство для точной оцѣнки приѣмовъ Якута, средство въ *полной* мѣрѣ и до нынѣ еще непримѣненное и непримѣнимое. Спрашивается теперь, въ какой степени онъ исполнилъ тѣ требованія, исполненіе коихъ возможно было по условіямъ времени, хотя необходимость ихъ удовлетворенія можетъ быть и не сознавалась, по отношенію специально къ Ибн-Фадлану? Далъ-ли онъ все, что даетъ намъ Якутъ *изъ* Ибн-Фадлана и *объ* Ибн-Фадланѣ? Освѣтилъ-ли онъ въ достаточной мѣрѣ внутреннее отношеніе Якута къ этому источнику, если такое освѣщеніе вообще возможно? Сдѣлалъ ли онъ, короче сказать, глѣбшимъ дальнѣйшее обращеніе къ словарю Якута для интересующихся показаніями Ибн-Фадлана?

VI.

Якутъ *цитуетъ* Ибн-Фадлана всего шесть разъ, подъ словами 1) Итиль I, 112,16—113,13, 2) Башگردъ I, 468,18—469,16, 3) Болгаръ I, 723,8—727,21, 4) Хазаръ II, 436,20—440,6, 5) Хорезмъ II, 484,10—485,9,13-15 и 6) Рұсъ II, 834,18—840,11.

Френъ въ текстѣ и переводѣ издалъ въ 1822 г. *второй* отрывокъ (о башкирахъ) и *четвертый* (о хазарахъ)¹⁾, въ 1823 г. — *шестой* (о рұсахъ)²⁾, въ 1832 г. *третій* (о болгаряхъ)³⁾. *Первый* (объ Итилѣ) сообщенъ въ нѣсколько сокращенномъ переводѣ⁴⁾, а *пятый* (о Хорезмѣ) совершенно почти обойденъ⁵⁾. На него имѣются только ссылки, одна въ концѣ приведен-

1) Veteres memoriae Chasarorum etc. и De Bashkiris quae memoriae prodita sunt etc. въ Mémoires de l'Ac. Imp. des Sciences. Vol. VIII.

2) Ibn Foszlau's etc. Berichte, St. P. 1823.

3) Die ältesten arab. Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mém. de l'Ac. Imp. des Sciences. VI-e Sér., Sciences pol., hist. et philol. t. I, p. 527—77, St. P. 1832.

4) Ibn Foszlau's etc. Berichte, p. 227—228.

5) Вюстенфельдъ въ своей статьѣ «Jâcût's Reisen» далъ почти полный переводъ этого 5-го отрывка еще въ 1863 г. См. ZDMG. XVIII, p. 481—482, но въ его задачу не входила оцѣнка его значенія для критики Ибн-Фадлана.

ной нами выше общей характеристики Якута, другая на стр. LIV введения; гдѣ говорится о томъ, что Ибн-Фадланъ названъ кліентомъ Мухаммед-ибн-Судеймана. Опусценіе этого пятого отрывка изъ Ибн-Фадлана находитъ себѣ конечно своего рода оправданіе въ томъ, что въ немъ ничего не говорится о рѣсахъ и ихъ сосѣдяхъ, и поэтому онъ не представлялъ непосредственнаго интереса для изслѣдованія Френа. Тѣмъ не менѣе это съ нашей точки зрѣнія большой недостатокъ труда Френа, и остается только удивляться, что никому изъ ориенталистовъ, такъ или иначе пользовавшихся Ибн-Фадланомъ, не пришло въ голову собрать во едино *все* сохранившіеся отрывки столь живо интересовавшаго ученый міръ автора. Объясняется это, конечно, съ одной стороны, авторитетомъ Френа, съ другой — установившимся обычаемъ пользоваться сообщеніями восточныхъ писателей при изслѣдованіяхъ историческаго характера безъ того тщательнаго, предварительнаго, критическаго анализа, которому современная историческая наука подвергаетъ памятники, писанные на языкахъ не восточныхъ. Какъ во время Френа, такъ и теперь, ориенталисты, за немногими исключеніями, сразу приступаютъ къ объясненію показаній даннаго автора по существу, взвѣшиваютъ ихъ правдоподобность или неправдоподобность по внутреннимъ признакамъ, оцѣниваютъ ихъ значеніе нерѣдко сообразно тому, сколько они даютъ за или противъ какой нибудь теоріи, построенной на данныхъ, почерпнутыхъ изъ совсѣмъ другого характера источниковъ, и совершенно забываютъ, что въ научный обиходъ, т. е. въ руки неориенталистовъ, показанія источника должны поступить только тогда, когда совершена въ полномъ объемѣ предварительная работа специалиста-ориенталиста. Циримѣру ориенталистовъ затѣмъ слѣдуютъ неориенталисты, частью не сознавая того, что предварительная работа еще не была сдѣлана, частью по невозможности ее исполнить самимъ. Очевидно, что эта работа въ нашемъ вопросѣ не была доведена до конца. Очень можетъ быть, что есть такіе случаи, когда особенно дурныхъ послѣдствій отъ этого и не произойдетъ, но съ точки зрѣнія методологической къ такому приему можно относиться только отрицательно.

VII.

Посмотримъ теперь, прибавляютъ-ли что-нибудь существенное для общей оцѣнки Ибн-Фадлана опущенные Френомъ отрывки, хотя бы они новыхъ свѣдѣній собственно о рѣсахъ, хазарахъ или болгаряхъ и не содержали.

Я начну съ перваго отрывка объ Итилѣ, сообщеннаго Френомъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, и дамъ всю статью Якута объ Итилѣ, при-

чемъ *курсивомъ* я здѣсь и въ слѣдующемъ отрывкѣ отмѣчаю слова Ибн-Фадлана.

«Итпль, съ двумя и, по типу слова ибил, — имя большой рѣки, подобной Тигру, въ странахъ хазарь; и протекаетъ она по странамъ русовъ и Болгара. И говорятъ (другіе): Итпль — столица странъ хазарь, а рѣка такъ названа по ея имени. Я читалъ въ книгѣ Ахмед-ибн-Фадлân - ибн - ал - Аббâс - ибн - Рашид - ибн - Хаммада, посла ал-Муктадира въ страны славянъ — они-же люди Болгара¹⁾»:

До меня дошло, что съ немъ²⁾ есть человекъ очень крупнаго роста. И когда я пошелъ къ царю, я его спросилъ о немъ и онъ сказалъ: «да, онъ дѣйствительно былъ съ нашимъ городъ и умеръ. И не былъ онъ изъ жителей (нашего) города и не былъ также изъ людей. Исторія же его такова: вышло нѣсколько купцовъ, какъ они это дѣлаютъ, къ рѣкѣ Итпль. Это—рѣка, до которой отъ насъ одинъ день пути. Рѣка же эта поднялась и вода ея выступила изъ береговъ. И не успѣлъ я опомниться, какъ явилась ко мнѣ толпа и сказала: «о царь! на водѣ плыветъ³⁾ такой человекъ, что намъ, если онъ изъ близкаго къ намъ народа, нельзя будетъ жить въ этихъ краяхъ и намъ останется только переселиться». Я поехалъ вмѣстѣ съ ними, дошелъ до рѣки, и посмотрѣлъ на нее, и вотъ, предо мною былъ человекъ ростомъ въ 12 локтей, моими локтями. И голова его походила на самый большой какой только бываетъ котелъ, носъ его былъ больше пядени, глаза пре-большіе, пальцы—каждый въ пядень. Испугалъ меня его видъ и обуялъ меня такой-же страхъ, какъ и тѣхъ людей. И начали мы говорить съ нимъ, а онъ не говорилъ и только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на насъ. И перевезъ я его въ свое мѣстопребываніе и написалъ людямъ Вісѹ— а они живутъ отъ насъ въ трехъ мѣсяцахъ пути—спрашивая ихъ о немъ. И они извѣстили меня, что-де это человекъ изъ Яджудж и

1) Выраженіе *اهل بلغار* едва-ли можетъ здѣсь быть понято иначе чѣмъ «люди Болгара», причѣмъ подъ «людьми Болгара» можно разумѣть обитателей либо города Болгара, либо страны болгаръ. Предложеніе «они-же люди Болгара» несомнѣнно принадлежитъ Якуту.

2) Такъ какъ мы въ точности не знаемъ, что предшествовало въ текстѣ *Ибн-Фадлана* этой фразѣ, то мы и не можемъ въ точности сказать, къ какому слову относится суффиксъ, переданный нами черезъ «немъ». *Можетъ* онъ относиться одинаково и къ имени города и къ имени страны или же къ нарицательному «городъ», «страна», «страны». Френъ въ своемъ сокращенномъ пересказѣ суффиксъ прямо замѣняетъ именемъ города Болгарь (. . . dass sich zu Bulghar ein Mensch и т. д.; см. *Ibn-F.* p. 227, посл. стр.). То-же самое дѣлаютъ ал-Казвініи (*ed. Wüstenfeld I, 117, стр. 6*) и Ибн-Шебъбъ (см. *Doğr* въ *Mélanges asiatiques VI, 362*) которые оба приводятъ этотъ рассказъ со словъ Ибн-Фадлана, произвольно сокращая текстъ Якута.

3) Читай въ текстѣ *طفا* вм. *فنا*.

Маджуджис¹⁾, а они съ трехъ мѣсяцехъ пути отъ насъ и отдѣляются изъ отъ насъ море. Это—люди, подобные дикимъ зѣрямъ, нагие, босые, совокупляющіеся другъ съ другомъ. Богъ всевышній для нихъ каждый день выводитъ изъ моря одну рыбу. И тогда является каждый изъ нихъ съ ножомъ и отрѣзываетъ себѣ отъ нея столько, сколько нужно ему и его семьѣ. Если же онъ возьметъ больше, то у него и у его семьи заболитъ животъ, а иной разъ онъ умретъ и всѣ они умрутъ. Рыба же, когда они всѣ отъ нея возьмутъ что имъ нужно, поворачивается и возвращается въ море. Такъ-то они живутъ, а между ними и нами море и окружающія горы. А когда Богъ пожелаетъ ихъ вывести, рыба эта не появится, море уйдетъ въ землю и степь раскроется, которая находится между ними и нами». Затѣмъ царь еще сказалъ: «тотъ мужъ жилъ нѣкоторое время у меня. Потомъ его постигла какая-то болѣзнь горла и онъ умеръ отъ нея²⁾». И я вышелъ и видѣлъ его кости и онъ были очень страшны.

Говорить авторъ³⁾, да помируетъ его Богъ! Это и подобное ему и есть то самое, отъ чего я, какъ я раньше⁴⁾ сказалъ, отрекаюсь и за достовѣрность чего не ручаюсь. Разсказъ же объ⁵⁾ Иби-Фадланѣ и отъ отправкѣ его ал-Муктадиромъ въ Болгаръ записанъ, повѣстенъ, распространенъ среди людей: я самъ видѣлъ нѣсколько списковъ его⁶⁾. При всемъ томъ нельзя однакоже сомнѣваться въ величинѣ и длинѣ рѣки Итиля, ибо она исходитъ изъ отдаленнѣйшаго юга и течетъ мимо болгаръ и русовъ и хазаръ и впадаетъ въ озеро Джурджана. И по ней ходятъ купцы въ Висъ и вывозятъ много пушины, какъ-то мѣха бобровые, соболя и горностаевые. Говорятъ также, что истоки ея въ землѣ хирхйзовъ, между кямъками и гуззамп—она же и составляетъ границу между ними. Потомъ она поворачиваетъ на западъ къ Болгару, потомъ возвращается къ Буртасу (буртасамъ) и къ странамъ хазаръ и впадаетъ въ Хазарское море. Говорятъ также, что отъ рѣки Итиль отдѣляются семьдесятъ и нѣсколько рѣкъ. Главное же русло рѣки идетъ къ хазарамъ и впадаетъ въ море. И еще говорятъ, что, когда ея воды собираются въ одномъ мѣстѣ у крайняго предѣла ея⁷⁾, она

1) Арабская форма библейскихъ «Гогъ и Магогъ».

2) Тутъ кончается разсказъ царя. Слѣдующая фраза принадлежитъ Иби-Фадлану.

3) Т. е. Якутъ.

4) Т. е. въ предисловіи; см. выше, стр. 45—46.

5) Въ этомъ мѣстѣ единственно возможный и естественный переводъ — именно «разсказъ (сказаніе, сказъ) объ Иби-Фадланѣ» и т. д.

6) Читай съ de Goeje (Jacut V, 11 ad I, 113, 15) *منها* вм. *جها*.

7) Т. е. у устья.

больше рѣки Джейхѹна. И обиліе этихъ водъ и количество ихъ и сила теченія ихъ доходятъ до того, что послѣ ихъ впаденія въ море онѣ внутри моря текутъ на 2 дня пути, одерживая верхъ надъ водой моря, а зимою онѣ замерзають, благодаря прѣсности своей, и цвѣтомъ своимъ отличаются отъ морской воды»¹⁾).

Пятый отрывокъ, совсѣмъ не переведенный Френомъ, читается у Якута II, 141, 10—140, 16 подъ словомъ *Хорезмъ*:

«Я читалъ въ запискѣ, которую написалъ Ахмед-Ибн-Фадланъ-пбн-ал-Аббасъ-ибн-Рашид-пбн-Хаммадъ, клиентъ Мухаммед-ибн-Сулеймана, посоль ал-Муктадир-би-лаха къ царю славянъ, и въ которой онъ описалъ что онъ видѣлъ со времени выступленія своего изъ Багдада до своего возвращенія туда. Онъ говоритъ, послѣ прибытія въ Бухару: *И ушли мы изъ Бухары въ Хорезмъ и спустились изъ Хорезма въ ал-Джурджанію, а между ними и нею водою 50 фарсаховъ.*

Я говорю: такъ онъ говоритъ, я я не знаю, что такое онъ разумѣетъ подъ Хорезмомъ, ибо Хорезмъ безъ всякаго сомнѣнія имя страны.

И я видѣлъ въ Хорезмѣ диремы обрѣзанные, и свинцовые и неполновѣсные мѣдные. И они называютъ диремъ «тазіуджа», когда вѣсъ его 4½ динка. Мыняли у нихъ продають кости (для игры), волчки (?) и диремы. По рычи и по природѣ они (т. е. хорезмійцы) самые грубые изъ людей, и рычъ ихъ болше всего похожа на коаканіе лягушкѣ. Они отрекаются отъ повелителя правотѣрныхъ Алія, сына Абу Талиба, — да будетъ имъ доволенъ Богъ — въ концѣ каждаго молитвеннаго обряда. И мы остались въ ал-Джурджаніи столько дней. И замерзъ Джейхѹнъ отъ начала до конца²⁾ и была толщина льда 19 пяденъ.

Презрѣнный рабъ Божій (т. е. Якутъ) говоритъ: Это ложь съ его стороны, ибо рѣка замерзаетъ — самое большое — на пять пяденъ и то рѣдко, а обычное — двѣ или три пядени. Я это самъ видѣлъ и разспрашивалъ объ этомъ жителей тѣхъ странъ. А онъ, можетъ быть, думалъ, что рѣка замерзаетъ вся (т. е. до дна), но это не такъ. Замерзаетъ она только на поверхности, а внизу она течетъ. И хорезмійцы выкапываютъ ямы во льду и оттуда добываютъ себѣ воду для питья. И ледъ рѣдко достигаетъ толщины болѣе трехъ пяденъ.

Онъ (Ибн-Фадлавъ) говоритъ:

Лошади и мулы и ослы и телмы ходили по нему (т. е. по Джейхѹну) какъ по обыкновенной дорогѣ, и онъ былъ твердъ, не трясся. И

1) Мы пока оставляемъ въ сторонѣ разныя особенности этого описанія рѣки Итиля, но вернемся ко всему мѣсту впоследствии.

2) Т. е. до дна.

въ такомъ видѣ онъ остался три мѣсяца. И мы видѣли страну такую, въ которой на насъ, казалось, повѣяло чѣмъ-то въ родѣ замлерира¹⁾, и не иначе выпадаетъ въ ней снѣгъ какъ при сильномъ, сокрушающемъ вѣтрѣ.

Я говорю: И это тоже ложь, ибо, не будь въ ихъ странѣ зимою безвѣтрія, въ ней никто не могъ бы жить.

Онъ говоритъ далѣе: *И когда кто нибудь изъ жителей ея пожелаетъ сдѣлать пріятное своему пріятелю и оказать ему благодѣяніе, онъ говоритъ ему: приходи ко мнѣ, побесѣдуемъ, ибо у меня хорошій огонь. Это онъ дѣлаетъ тогда, когда онъ оказываетъ ему самое большое вниманіе и любовь. Богъ, впрочемъ, былъ милостивъ къ нимъ относительно дровъ и сдѣлалъ ихъ для нихъ дешевыми: возъ горныхъ дровъ — гаді — стоитъ два дирема, а опись его три тысячи риглей.*

Я говорю: И это также ложь, ибо наибольшее что поднимаетъ возъ, какъ я самъ испыталъ — я везъ на немъ товаръ свой — тысяча риглей, такъ какъ возы всегда у нихъ тащигъ только одна голова скота, быкъ, осель или лошадь. Что же касается дешевизны дровъ, то возможно, что въ его время они и были такъ дешевы, по когда я тамъ былъ, сто манновъ стояли 3 динара рукнѣвскихъ.

Онъ говоритъ далѣе:

Обычай у ихъ нищихъ таковъ: просящій милостыни не останавливается у дверей, а входитъ въ домъ кого-нибудь изъ нихъ, сидитъ некоторое время у его огня и грѣется, затѣмъ говоритъ: пэкенд, т. е. хлѣбъ. Если ему тогда дадутъ — хорошо, если нѣтъ — онъ уходитъ.

Я говорю: этотъ разговоръ объ ихъ обычаяхъ правлень, но только для деревень, не въ городахъ. Я это самъ видѣлъ. Затѣмъ онъ описываетъ силу мороза у нихъ²⁾. То, что я самъ видѣлъ по части холода страны — это то, что дороги въ ней, будучи топкимп, замерзаютъ и затѣмъ по нимъ ходятъ и пылъ отъ нихъ летитъ. А когда наступаетъ облачная погода и станеть немного теплѣе, онѣ опять превращаются въ топкую грязь, въ которой ноги животныхъ вязнуть по колѣна. И пытался я тамъ не разъ писать, но вслѣдствіе замерзанія чернилъ это было невозможно, пока я не поднесу ихъ къ огню и не приведу ихъ опять въ жидкое состояніе. А когда я напитокъ какой

1) Страшный холодъ, назначенный въ наказаніе невѣрующимъ въ день страшнаго суда.

2) Начиная отсюда до словъ . . . «не могла бороться съ холодомъ» (см. ниже, стр. 58, з) до всей вѣроятности слова Якута, хотя не исключена возможность, что они также еще принадлежатъ Иби-Фадлану.

нибудь подносилъ къ губамъ, онъ приставалъ къ нимъ, такъ какъ замерзалъ на моихъ губахъ и теплота дыханія не могла бороться съ холодомъ.

При всемъ томъ страна эта все-таки прекрасная страна, жители ея учены, въ законовѣднїи тверды, остроумны, богаты; пищевые продукты въ ней въ изобилїи, и т. д.

VIII.

Мнѣ кажется, что приведенные два отрывка едва-ли могутъ быть признаны столь незначительными, чтобы ихъ безъ ущерба для дѣла можно было обойти молчанїемъ. Если мы еще припомнимъ, что въ началѣ своей цитаты изъ Ибн-Фадлана о рѣсахъ, Якутъ намъ говоритъ, что онъ сообщаетъ то, что рассказываетъ Ибн-Фадланъ совершенно такъ, какъ самъ Ибн-Фадланъ передаетъ, находя *все это удивительнымъ*; и что онъ въ концѣ выпяски еще разъ оговаривается: «вотъ это есть то, что я выпясалъ изъ трактата Ибн-Фадлана букву въ букву, и на немъ лежатъ отвѣтственность за то, что онъ рассказываетъ, а Богъ лучше знаетъ его достовѣрность». . . . то мы получаемъ цѣлый рядъ указанїи на отношенїе Якута къ Ибн-Фадлану, отношенїе, не лишенное нѣкоторой пикантности.

Попробуемъ еще нѣсколько болѣе освѣтить эту сторону дѣла.

Въ отрывкѣ объ Итилѣ Якутъ первый разъ даетъ намъ выписку изъ Ибн-Фадлана и тутъ-же, какъ мы видѣли, пользуясь случаемъ, предупреждаетъ читателя, что именно подобныя вещи онъ имѣлъ въ виду въ своемъ предисловіи, когда говорилъ о разныхъ свѣдѣнїяхъ, принятыхъ имъ въ свой трудъ несмотря на ихъ явную неправдоподобность и пр. Вникая въ самый рассказъ о великанѣ, мы безъ труда видимъ, почему онъ не желаетъ взять на себя отвѣтственность за него. «Разумъ отрекается отъ подобныхъ вещей». Но, вѣруя во всемогущество Творца, Якутъ воздерживается отъ какого бы то ни было сужденїа объ авторѣ рассказа. Самъ онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность, оставляя ее на передавшемъ такое извѣстїе. Его критика слѣдовательно направлена не противъ автора, а противъ неправдоподобности съ точки зрѣнїа тогдашняго «последняго слова науки» сообщаемаго факта.

Въ отрывкѣ о рѣсахъ онъ напоминаетъ читателю, что свѣдѣнїа о нихъ Ибн-Фадлана онъ находитъ «удивительными» и поэтому считаетъ долгомъ переписать ихъ букву въ букву, а отвѣтственность съ себя слагаетъ. Чудеснаго, сверхъестественнаго, въ этихъ рассказахъ специально о рѣсахъ нѣтъ; они зато изобилуютъ очень странными съ точки зрѣнїа куль-

турнаго мусульманина подробностями о нравахъ ихъ, и мѣстами поражаютъ своей циничностью. Поэтому они и показали ему, чтобы опять употребить слова предисловія, таковыми что «ихъ избѣгаетъ природа мало мальски образованныхъ людей, такъ какъ они далеки отъ всего обычнаго и привычнаго, и не согласуемы съ видѣннымъ и узнаннымъ». Но, принимая во вниманіе «пзворотливость твари», т. е. безконечное разнообразіе проявленій человеческой природы, Якутъ очевидно допускаетъ возможность всего этого, и, слагая съ себя отвѣтственность, опять таки воздерживается отъ всякой критики автора, — вполне основательно, ибо не пмѣлъ возможности провѣрить его.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ отрывкѣ объ Хорезмѣ. Якутъ самъ былъ въ Хорезмѣ, своими глазами видѣлъ страну, наблюдалъ нравы и обычаи, людей и природу. И вотъ онъ съ какой-то злобой, хотя и не безъ порывовъ къ безпристрастію, накидывается на Ибн-Фадлана, обвиняя его *ооперыхъ* въ неточности географической номенклатуры, *ооторыхъ* въ приведеніи три раза лживыхъ свѣдѣній, и *отретьихъ* въ слишкомъ поспѣшномъ обобщеніи. Если вдуматься въ сообщенія, давшія поводъ къ такимъ тяжкимъ обвиненіямъ, то окажется, что съ нашей точки зрѣнія эти обвиненія едва ли вполне заслужены. Скорѣе всего можно бы было, на первый взглядъ, присоединиться къ первому упреку: дѣйствительно, если бы какой нибудь путешественникъ, проѣзжая, скажемъ, изъ Италіи черезъ Францію въ Англію въ своемъ дневникѣ записалъ: мы отправились изъ Милана во Францію, и спустились изъ Франціи въ Парижъ, — отъ Франціи же до Парижя столько-то километровъ — то мы конечно имѣли бы право обвинить его — самое меньшее — въ весьма смутномъ представленіи о весьма извѣстныхъ вещахъ. На самомъ же дѣлѣ ошибается тутъ не Ибн-Фадланъ, а самъ Якутъ, не знавшій или забывшій, что во время критикуемаго имъ путешественника, древняя столица страны Хорезма, Кятъ كات, весьма часто называлась именемъ страны, т. е. Хорезмомъ¹⁾.

Свѣдѣнія же подавшія поводъ три раза называть Ибн-Фадлана лжецомъ съ нашей точки зрѣнія далеко не столь фантастичны, чтобы заслуживать такого рѣзкаго отзыва. Не знаю, можно ли допустить возможность заморзанія Аму-Дарьи «отъ пачала до конца». Но если это невозможно, то все таки можно обвинять Ибн-Фадлана только въ нѣкоторомъ преувелченіи явленія, для южанина вообще страннаго и страшнаго. Къ той же категоріи

1) На это въ засѣданіи Восточн. Отд. 25 января 1901 г. обратилъ мое вниманіе В. В. Бартольдъ. См. напр. E. Sachau, zur Gesch. und Chronol. von Khwārizm въ Sitzg.-Ber. der phil. hist. Cl. d. k. k. Akad. der Wiss. Wien 1873, Bd. LXXIII, p. 489—495.

придется отнести также и показаніе объ обязательномъ сопровожденіи выпаденія снѣга бурю, если только въ данномъ случаѣ опять не ошибается самъ Якутъ, не видавшій можетъ быть никогда снѣжнаго бурана. Что возъ въ Хорезмѣ поднимаетъ только 1000 ритлей, а не 3000, какъ утверждаетъ Ибн-Фадланъ, это также доказываетъ только, что у послѣдняго была нѣкоторая склонность къ преувеличенію. Что обычай, наконецъ, нищихъ, о которомъ говоритъ Ибн-Фадланъ, во время Якута еще сохранившійся въ деревняхъ, 300 годами раньше могъ существовать также и въ городахъ, никто не станеть отрицать.

Такимъ образомъ обвиненія, выставляемыя Якутомъ противъ Ибн-Фадлана, кажутся намъ не особенно существенными по своему содержанію. Тѣмъ не менѣе въ рѣзкости формы, въ повторномъ употребленіи слова *ложь* звучитъ какъ будто нотка сильного недовѣрія къ автору знаменитаго трактата.

IX.

Якутъ вообще довольно часто критикуетъ свои источники или, точнѣе, отдѣльныя свѣдѣнія, сообщаемыя ими. Было бы весьма поучительно и важно между прочимъ и для занимающаго насъ теперь вопроса собрать всѣ подобныя критическія замѣчанія его и сравнить ихъ между собою, чтобы такимъ образомъ получить полную картину критическихъ сужденій и приѣмовъ нашего компилятора.

Строго говоря, только такой сводъ далъ бы намъ возможность въ полной мѣрѣ и безошибочно оцѣнить дѣйствительное значеніе приведенныхъ выше рѣзкихъ отзывовъ Якута объ Ибн-Фадланѣ. Очевидно, что если Якутъ принадлежитъ къ числу такихъ авторовъ, которые любятъ рѣзко отзываться о своихъ предшественникахъ и источникахъ, малѣйшую ошибку, вольную или невольную, ставить имъ въ счетъ, — такихъ авторовъ въ арабской литературѣ имѣется не меньше чѣмъ въ любой другой — то мы къ отзывамъ его объ Ибн-Фадланѣ отнесемъ иначе, чѣмъ если бы оказалось, что Якутъ въ своихъ критическихъ отзывахъ, вообще, разборчивъ, относясь къ одному источнику мягко, къ другому строго. Такимъ образомъ мы опять становимся лицомъ къ лицу къ вопросу о недостаточной, такъ сказать, изученности литературной «физиономіи» арабскаго компилятора...

Въ ожиданіи выполненія этого пробѣла въ будущемъ, мы однакоже уже теперь можемъ сдѣлать попытку хоть нѣсколько выяснитъ эту сторону дѣла, разобравъ пзвѣстное число случаевъ критическихъ отзывовъ Якута. Такой разборъ, если и не разрѣшитъ вопроса въ полной мѣрѣ, все же дастъ

намъ болѣе твердую почву для сужденія и результатъ по крайней мѣрѣ условно вѣрный.

Припомнимъ прежде всего теоретическую точку зрѣнія, которую нашъ авторъ развиваетъ въ предисловіи ¹⁾.

«Ни одинъ смысленный человѣкъ не станетъ отвергать, что пристрастный, пристрастный критикъ утомляетъ себя и другихъ, и ни одинъ разсудительный человѣкъ не будетъ отрицать, что, напротивъ того, справедливый критикъ доставляетъ успокоеніе себѣ и другимъ. И гдѣ тотъ, кому дана непогрѣшимость и кто всякимъ словомъ обмлетъ знаніе?»...

Изъ этого «profession de foi» вытекаетъ, что Якутъ вполне сознаетъ необходимость относиться справедливо и снисходительно къ другимъ и твердо помнить, что и онъ самъ вуждается въ такой же снисходительности.

Посмотримъ теперь, какъ онъ примѣнялъ эти здравые принципы.

Читатель не забылъ, что еще Френъ указалъ, какъ на примѣры критическаго отношенія Якута къ свѣдѣніямъ его источниковъ на статьи *Сынъ, Рѣмъ, Рѣмія, Боргаръ, Стѣна Яджѣджа, Итиль, Хорезмъ* «и другія». Съ двумя послѣдними мы уже знакомы. Въ статьѣ о «Стѣнѣ Яджѣджа ²⁾» Якутъ сообщаетъ разныя преданія объ этомъ сооруженіи и народахъ, обитавшихъ тамъ, приводитъ между прочимъ извлеченіе изъ известнаго совершенно фантастическаго отчета Селлама, переводчика, о мнимои его путешествіи къ Стѣнѣ, и все это оканчиваетъ слѣдующею замѣткою ³⁾:

«Я записалъ тѣ свѣдѣнія о Стѣнѣ, которыя нашелъ въ книгахъ. Я не высказываюсь рѣшительно за достовѣрность занесеннаго мною (въ мою книгу), потому что тутъ есть разногласія въ разсказахъ; Богъ знаетъ лучше что достовѣрно. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ достовѣрности (существованія) Стѣны, ибо она упоминается въ Священномъ Писаніи».

Въ той-же статьѣ, нѣсколько выше, стр. о—оо Якутъ приводитъ сказанія о «Стѣнѣ», въ которыхъ между прочимъ упоминается о морскомъ чудовищѣ *тиннѣнъ* и по этому поводу замѣчаетъ:

«Что касается до *тиннѣна*, то мы въ статьѣ о Киллизѣ ⁴⁾ упомина-

1) См. выше, стр. 47.

2) Упоминаемая въ Коранѣ мифическая стѣна, назначенная для защиты цивилизованныхъ странъ отъ столь-же мифическихъ варварскихъ народовъ Яджѣджъ и Маджѣджъ (Гогъ-Магогъ Библии) и будто-бы сооруженная Зу-л-Карнейномъ «Двурогимъ», т. е. Александромъ Македонскимъ.

3) Jacut III, oA, 15—18.

4) Мѣсто недалеко отъ Халеба.

нули то, что мы отъ него видѣли въ округѣ халебскомъ. И это-то я взялъ въ основаніе для оправданія помѣщенія здѣсь тѣхъ разсказовъ о немъ, которые я принялъ. И это-же дало мнѣ смѣлость внести ихъ сюда. Человѣкъ сильно склоненъ считать лживымъ извѣстіе о томъ, подобнаго чему не видѣлъ».

Нѣсколько ниже, 04, 5 — 11 онъ передаетъ со словъ неизвѣстнаго другой разсказъ о *тиннѣнъ*, въ которомъ это чудовище описывается «очевидцемъ» такъ:

«Длина его—около двухъ фарсаховъ, ширина — одинъ фарсахъ, цвѣтъ — цвѣтъ барса; оно покрыто чешуею какъ рыба, имѣетъ два крыла большихъ подобныхъ крыльямъ рыбы; голова его подобна большому холму, похожа на голову человѣка; у него два уха громадной длины и два глаза круглыхъ, пребольшихъ; отъ его шеи отдѣляются шесть шей, длиною каждая въ 20 локтей. На каждой шеѣ голова, подобная головѣ змѣи. Я говорю: это описаніе негодное, ибо онъ сперва говоритъ: (у него) голова какъ голова человѣка, а потомъ говоритъ: шесть головъ подобныхъ головѣ змѣи. Я списалъ это (описаніе) такъ, какъ нашелъ его, но лучше оставить его безъ вниманія».

Въ статьѣ Боргаръ I, 04A, 7 — 19 онъ приводитъ длинную цитату¹⁾ изъ ал-Масуди, въ которой этотъ знаменитый полигисторъ болгаръ дунайскихъ весьма неудачнымъ образомъ смѣшиваетъ съ болгарами волжскими. Якутъ замѣтилъ, что тутъ дѣло не ладно и вслѣдъ за цитатой говоритъ²⁾:

«Я говорю: все здѣсь описанное³⁾ цѣликомъ приложимо къ Болгару и я полагаю, что оба они (т. е. болгары и боргары) одно и то-же и что это только двѣ формы (одного и того-же имени) на двухъ языкахъ. И во всемъ этомъ я не одобряю только его словъ что «боргары живутъ на берегу моря Ма-н-т-с⁴⁾». Я думаю, что между ними⁵⁾ и берегомъ моря Ма-н-т-с большое разстояніе. А впрочемъ Богъ лучше знаетъ».

Въ статьѣ ал-Рѣумъ Якутъ изъ книги Ибн-ал-Факѣха заимствуетъ длинное и весьма интересное описаніе государственнаго устройства византійской имперіи и заканчиваетъ эту цитату такъ⁶⁾:

1) См. Maçoudi, les prairies d'or, v. II, p. 15—18.

2) I, 04A, 19—21.

3) Т. е. описаніе боргаръ.

4) Азовское море.

5) Читай *بينهم* вмѣсто *بينه* текста.

6) II, A40, 19—23.

«Я говорю: все это, полагаю я, порядки и имена существовавшія въ древнее время, и я не думаю, чтобъ они сохранились донынѣ. Имена городовъ (странъ), равно какъ имена этихъ установленій измѣнились, ибо всѣ тѣ знаменитые города рѣмовъ, находящіяся въ рукахъ мусульманъ и христіанъ, которые мы теперь знаемъ, какъ-то Конія и Аксарай и Антіохія и Трѣбизондъ и Сивасъ и другіе еще знаменитые ихъ города, у него совсѣмъ не упомянуты. Я же упомянулъ все это такъ, какъ онъ упоминаетъ. А Богъ лучше знаетъ».

Городъ Римъ (Рѣмія) окруженъ въ арабской космографіи цѣлымъ кольцомъ легендъ. Неудивительно поэтому, что Якутъ предпосылаетъ повѣствованію о римскихъ чудесахъ оговорку¹⁾:

«Рѣмія, по построению и величинѣ и многолюдству принадлежитъ къ чудесамъ міра и я, прежде чѣмъ приступить къ описанію ея, отрекаюсь предъ читателемъ этой моей книги отъ отвѣтственности за то, что я о Рѣміи рассказываю, ибо все это очень поразительно, выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, и немислимо, чтобы что-нибудь подобное дѣйствительно существовало. Но я нашелъ, что многіе мужи, прославившіеся передачей знанія, сообщаютъ то, что мы сейчасъ расскажемъ, и мы послѣдовали за ними въ передачѣ (всего этого). А Богъ лучше знаетъ».

По окончаніи же своего повѣствованія онъ прибавляетъ опять оговорку²⁾:

«Все приведенное мною здѣсь описаніе этого города (зайствовано мною) изъ книги Ахмед-ибн-Мухаммеда³⁾ извѣстнаго подъ именемъ Ибн-ал-Факіѣа. Во всемъ (его) повѣствованіи нѣтъ ничего болѣе труднаго, чѣмъ то, что можетъ существовать городъ такой величинны⁴⁾. При томъ на довольствованіе его жителей пищей не хватило бы посѣвовъ съ принадлежащихъ ему земель на нѣсколько мѣсяцевъ пути. Надо впрочемъ прибавить, что многіе и о Багдадѣ рассказываютъ, что онъ по величинѣ и обширности и обилію жителей и банъ приближается къ этому⁵⁾. Но затруднительно тутъ то, что читающій (все) это ничего подобнаго не видѣлъ. Богъ, впрочемъ лучше знаетъ! Что же до меня, то это да послужитъ мнѣ оправданіемъ въ томъ, что я привожу не все, сказанное имъ, а только нѣкоторыя извлеченія».

1) II, АЧV, 18—22.

2) II, АЧV, 13—20.

3) См. поправку къ этому мѣсту V, 223.

4) Сорокъ миль въ окружности; одинъ рынокъ — длиннй въ Фарсахъ; число банъ — 660,000, монастырей — 10,000, улицъ — 12,000 и т. д.

5) Т. е. къ тому, что рассказывается о Рѣміи.

Въ статьѣ о Тиверіадскомъ озерѣ Якутъ ¹⁾ сообщаетъ разныя фантастическія преданія о событіяхъ, которыя произойдутъ въ окрестностяхъ этого озера во время антихриста и второго пришествія Христа и прибавляетъ:

«При всей недопустимости этого разсказа для разума имѣются однако массы подобныхъ ему въ книгахъ людей ²⁾».

Статью о баснословномъ «Мѣдномъ городѣ» въ Испаніи Якутъ прямо начинаетъ съ оговорки ³⁾.

Медінат-ал-нухас — онъ же называется также Медінат-ал-суфр. О немъ существуетъ повѣствованіе далекое отъ достовѣрности, такъ какъ оно рѣзко противорѣчитъ обыкновенному. И я отрекаюсь отъ отвѣтственности за все это, и выписываю только то, что я нашелъ въ общеизвѣстныхъ книгахъ, составленныхъ умными мужами. При томъ же этотъ городъ весьма знаменитъ и поэтому я упоминаю о немъ».

И послѣ такого введенія слѣдуетъ длинная выписка изъ Ибн-ал-Факіһа, который напр. разсказываетъ, что омейядскій халифъ Абд-ал-меликъ, прослышавъ о «Мѣдномъ городѣ» и о скрытыхъ въ немъ несмѣтныхъ богатствахъ и чудесахъ, приказалъ Мусъ-ибн-Нусайру, правителю ал-Магриба, отправиться туда и сообщить все, что онъ тамъ увидитъ. Муса немедленно отправился и объ этой своей экспедиціи прислалъ допесеніе, также приводимое Ибн-ал-Факіһомъ. Оно еще гораздо фантастичнѣе извѣстнаго разсказа Саллама переводчика о путешествіи къ стѣнѣ Яджуджа и Маджуджа.

Подъ именемъ Берда'а Якутъ изъ ал-Истахрія выписываетъ описаніе цвѣтущаго состоянія этого города и затѣмъ прибавляетъ ⁴⁾:

«Я говорю: это описаніе старое. Что-же касается теперешняго времени, то ничего этого нѣтъ. Я встрѣчалъ въ Азербейджанѣ лицъ изъ уроженцевъ Берда'и, которыхъ я спрашивалъ объ ихъ городѣ. Они говорили мнѣ, что въ немъ много слѣдовъ разрушенія, что въ немъ теперь, какъ въ деревнѣ, людей только немного, положеніе неспокойное, бѣдность явная, нужда видимая, дома разрушенные и разореніе всеобщее. И слава Тому, Кто переменны производитъ, но Самъ не переменяется, Кто уничтожаетъ и Самъ не уничтожается. Онъ Своєю тварью распоряжается и никому изъ нея тайна Его распоряженій не извѣстна».

1) I, 1010, 4—14.

2) Т. е. въ книгахъ, распространенныхъ среди публики.

3) IV, 1000, 8—10.

4) I, 1009, 15—20.

Въ концѣ статьи о Вавилонѣ Якутъ приводитъ разсказъ, какъ халифъ Омаръ спросилъ одного изъ знатныхъ туземцевъ о чудесахъ страны. Тотъ описалъ ему чудеса древняго Вавилона въ весьма яркихъ краскахъ. Якутъ по этому поводу замѣчаетъ ¹⁾:

«Я говорю: этотъ разсказъ, какъ ты видишь, рѣзко расходится съ тѣмъ, къ чему мы привыкли и далеко отъ всего того, что мы знаемъ. И еслибъ я его не нашелъ въ книгахъ ученыхъ мужей, я не привелъ бы его. И всѣ извѣстїя о древнихъ народахъ — подобнаго рода. И Богъ лучше знаетъ!»

Египетъ, еще въ древности считавшійся страной всякихъ чудесъ, оставался такой и въ глазахъ арабовъ. Непонятныя по своему назначенію грандіозныя сооруженія поражали ихъ воображеніе; мѣстные жители, копты, давно уже потерявшіе всякую память о древней исторической дѣйствительности, любопытство арабскихъ завоевателей удовлетворяли фантастическими разсказами о чудодѣйственномъ знаніи и могуществѣ древнихъ своихъ властелиновъ, повинувась отчасти бессознательному стремленію къ возвеличенію своей расы. Съ теченіемъ времени расовый антагонизмъ ослабѣлъ, за почти полнымъ поглощеніемъ туземцевъ пришлымъ арабскимъ элементомъ, но увлеченіе прошлымъ величіемъ туземцевъ цѣликомъ перешло къ потомкамъ завоевателей, смѣшавшихся съ ними, и египто-арабскіе историки столь же слѣпо вѣрили въ чудесныя разсказы коптовъ, какъ сами разсказчики. О сфинксахъ, напримѣръ, существовала легенда, связывавшая ихъ сооруженіе съ именемъ царицы Далюки, построившей ихъ какъ талисманъ отъ вторженія враговъ: внутри сфинксовъ будто бы были изображенія кораблей, выючныхъ животныхъ и людей. При приближеніи врага эти изображенія начинали двигаться и указывали направленіе, откуда грозило вражеское нашествіе. Тогда египтяне начинали бить, колоть, рубить тѣ изображенія животныхъ, людей, кораблей и колесницъ и всѣ поврежденія, которыя они имъ причиняли символически, въ дѣйствительности отражались на наступавшихъ врагахъ, такъ что послѣдніе никогда не достигали земли, охраняемой столь чудесною силою. Изложивъ все это, Якутъ прибавляетъ ²⁾:

«Я говорю: зданія этихъ *бирбѣй* ³⁾ находятся во многихъ мѣстахъ въ Саидѣ египетскомъ, какъ-то въ Ахмѣнѣ, Ансинѣ и въ другихъ городахъ, и сохранились до нашихъ дней, и изображенія, въ камнѣ утвержденныя—на лицо. Упомянутый же разсказъ приводится едвали не

1) I, 100, 10—13.

2) I, 101, 6—9.

3) Такъ арабы коптскимъ словомъ называютъ сфинксы.

во всякой книгѣ, тракующей объ Египтѣ. Поэтому и я его привелъ, хотя онъ болѣе похожъ на басню».

Нѣсколько разъ при описаніи Александріи Якутъ возвращается къ недостоверности разказовъ объ египетскихъ чудесахъ.

«Все это ¹⁾ — разказы, которые мы передаемъ такъ, какъ мы ихъ нашли въ книгахъ ученыхъ мужей. Но все это далеко отъ разума, и вѣрятъ этому только тѣ, которыми владѣетъ невѣжество. Богъ впрочемъ знаетъ лучше! Очень сильное преувеличеніе позволяютъ себѣ египтяне при описаніи Александріи и ихъ ученые закрѣпили это письмомъ и занесли въ книги, хотя оно — фантазія ²⁾».

Какъ примѣръ Якутъ приводитъ сообщеніе нѣкоего ал-Хасан-ибн-Ибрагим-ал-Мисрїя, что въ Александріи отъ бѣлизны домовъ такъ свѣтло, что люди въ ней ходятъ съ черными тряпками въ рукахъ, защищая ими свои глаза отъ свѣта, что ночью такъ свѣтло, что портные вдѣваютъ нитку въ иголку и т. п. Якутъ тутъ замѣчаетъ ³⁾:

«Что касается упоминаемой въ описаніи Александріи бѣлизны, то она и по сіе время на лицо. Мы сами видѣли, что наружныя стѣны домовъ ея всѣ выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, кромѣ небольшого числа домовъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ бѣднякамъ. Но тѣмъ не менѣе въ городѣ ночью столь же темно, какъ во всѣхъ другихъ городахъ. Мы сами видѣли многія страны, въ которыхъ снѣгъ лежитъ на домахъ и на землѣ и звѣзды своимъ свѣтомъ помогаютъ, и все-таки, когда ночь наступаетъ, онѣ погружаются во мракъ, какъ всѣ другія страны, безъ всякаго различія. И какъ это можетъ разумный человѣкъ вѣрить подобнымъ вещамъ и передавать ихъ!»

Разказавъ затѣмъ еще разныя фантастическія преданія и легенды объ Александріи, нашъ авторъ замѣчаетъ ⁴⁾:

«Разказы и преданія объ Египтѣ и Александріи и ея маякѣ принадлежатъ къ категоріи «Разказывай о морѣ—стѣсненія нѣтъ» ⁵⁾. И большая часть ихъ—праздная болтовня и преувеличенія, которыя на вѣру принимаетъ только невѣжда. Я самъ былъ въ Александріи и исходилъ ее всю и не видѣлъ въ ней ничего удивительнаго, кромѣ одного

1) Преданія о древней исторіи Александріи.

2) I, р 4*, 3—5.

3) I, р 4*, 11—15.

4) I, р 4*, 8—17.

5) Поговорка. О морѣ древніе арабы знали очень мало по опыту, почему всякія небылицы, разказываемыя о немъ, находили вѣру, что впоследствии и дало поводъ къ возникновенію поговорки.

столба, извѣстнаго теперь подъ именемъ «столба колоннъ», насупротивъ такъ называемыхъ «воротъ дерева». Онъ дѣйствительно громаденъ и поразителенъ. Какъ будто онъ и есть большой маякъ. Это — монолитъ круглой формы, поставленный на громадномъ камнѣ, подобномъ 4-угольному дому, также монолитъ; а на вершину колонны положенъ другой камень, подобный тому, который внизу. Вырубить такой камень изъ скалы и перевести его съ мѣста нахождения и затѣмъ поставить его на тотъ (нижній) камень, а другой поднять на его верхъ — на все это неспособны наши современники, хотя бы всѣ жители Александріи соединились для этого дѣла; это (сооруженіе) указываетъ на силу поднявшихъ его и сообразительность поставившихъ его и величіе замысла приказавшаго строить его.

И нѣсколько дальше¹⁾:

«Мы уже раньше сказали, какъ они²⁾ много говорятъ о маякѣ и какъ преувеличиваютъ его размѣры и какіе ужасы рассказываютъ про него. И все это ложь; не стыдится рассказывающей ее, и не боится Бога передающей. Я самъ посѣтилъ его въ обществѣ многихъ ученыхъ и всѣ мы вернулись, удивляясь лживости рассказывавшихъ про него. Дѣло въ томъ, что маякъ представляетъ изъ себя зданіе» и пр. Идетъ подробное описаніе сохранявшихся до времени Якута остатковъ маяка, заканчивающееся словами³⁾:

«Вотъ то, что я самъ видѣлъ и установилъ, и все противорѣчащее этому — ложь, не имѣющая основанія».

Любопытный образчикъ критическихъ порывовъ Якута мы находимъ въ самомъ началѣ статьи объ Александріи. Вотъ что мы тамъ читаемъ⁴⁾:

«*Ал-Искандерія*. Говорятъ историки, что Александръ, сынъ Филиппа, руміецъ, воевалъ съ многими царями, покорялъ ихъ, исходилъ страны до отдаленнѣйшаго ал-Сйна, построилъ Стѣну⁵⁾ и совершалъ множество великихъ дѣлъ, а умеръ 32 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ никогда не отдыхалъ. Авторъ этой книги говоритъ: если это такъ было, то это нѣчто удивительное, далекое отъ обычнаго. Но я полагаю — Богъ, впрочемъ, лучше знаетъ, — что указанное число относится къ продолжительности его царствованія или расцвѣту его счастья, и что ученые только это и считали за его жизнь. Дѣло въ

1) I, 144, стр. 3—5.

2) Египтяне.

3) I, 144, 7—8.

4) I, 104, 10—100, 10.

5) Т. е. такъ наз. «стѣну Яджуджа и Маджуджа».

томъ, что исходить землю во главѣ войскъ при медленности ихъ движенія, вызванной необходимостью при всякой остановкѣ заботиться о добываніи провіанта и фуража, и бороться съ выступающими изъ крѣпостей непріятельскими силами, требуетъ значительнаго количества времени кромѣ того, которое нужно на прохожденіе пути. Съ другой стороны немислимо, чтобы у Александра раньше 20-лѣтняго возраста были развиты душевныя качества, позволявшія ему бороться съ могущественными царями, а до полнаго укрѣпленія его въ царствѣ, стягиванія войскъ, утвержденія его авторитета въ глазахъ народа, пріобрѣтенія имъ искусства управления и опытности, развитія его умственныхъ способностей до возможности воспринятія той мудрости, которая ему приписывается — должно было пройти по необходимости еще продолжительное время. Когда же совершалъ онъ свои походы и покорялъ всѣ тѣ страны, основывалъ въ нихъ города и утверждалъ своихъ намѣстниковъ въ нихъ? Правда, что въ наши дни и въ нашъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, т. е. въ 617—618 годахъ, татаре, явившіеся изъ земли ал-Сйна, совершили нѣчто такое, что, еслибы оно продолжалось еще нѣкоторое время, дало-бы въ ихъ руки власть надъ всѣмъ міромъ въ немногіе годы. Они шли съ границъ земли ал-Сйна (черезъ мусульманскія страны) пока не вышли (изъ нихъ) у Баб-ал-Аббаба, овладѣли приблизительно половиной мусульманскихъ странъ и опустошили ихъ, а именно Маверраннахръ, Хорезмъ, Хорасанъ, Седжестанъ, область Газны — часть ал-Синда, Кумись, всю страну ал-Джебель, кромѣ Испагана, Табаристанъ, Азербейджанъ, Арранъ и часть Арменіи, и вышли у Дербенда, и все это менѣе чѣмъ въ два года. Они убивали жителей всѣхъ городовъ, которыми они овладѣвали. Потомъ Богъ оставилъ ихъ и вернулъ ихъ туда, откуда они пришли. Послѣ ихъ выхода (изъ мусульманскихъ странъ) у Дербенда они еще въ одинъ годъ завладѣли странами хазаръ, алановъ, русовъ, саксинъ, сразились съ кипчаками въ ихъ степяхъ и дошли до Болгара. Это могло бы служить опорой для исторіи объ Александрѣ, но Александръ, когда овладѣвалъ страной, устраивалъ ее и оставлялъ въ ней своего замѣстителя — а это требуетъ еще времени, кромѣ того времени, которое нужно для одного только опустошенія.

Въ 89-й главѣ Корана упоминается «богатый колоннами» Иремъ, принадлежавшій нѣкогда народу 'Адъ, который вмѣстѣ со своимъ городомъ поглыбъ въ одинъ мигъ отъ страшнаго крика, раздавашагося съ небесъ, въ наказаніе за то, что онъ пренебрегъ увѣщеваніями посланнаго къ нему пророка. Ни объ Иремѣ, ни о народѣ 'Адъ и его гибели никакихъ сколько-нибудь

достоверных сведений арабы не имели, но легенды самого фантастического характера передавались и сочинялись на эту тему в изобилии. О самом имени Ирема спорили: одни считали это за имя города, другие за имя страны, третьи за имя царя. Большинство принимало Иремь за городъ и искали его въ южной Аравіи. Постройку его приписывали 'адитскому царю Шедд'аду, который въ безумномъ высокомеріи своемъ вознамѣрился на землѣ создать рай, подобный небеснымъ садамъ Эдена. Якутъ въ статьѣ «Иремь» заимствуетъ изъ знаменитаго комментарія къ Корану ал-Замахшарія длинный разсказъ о величій Ирема, объ его постройкѣ и гибели. Любопытно, что и этотъ упомянутый въ Коранѣ городъ, совершенно какъ Стѣна Яджуджа, въ мусульманское время будто бы былъ посѣщенъ и осмотрѣнъ. Въ царствованіе халифа Моавія, говорятъ, одинъ арабъ, Абдаллахъ-ибн-Кил'аба, вышедшій изъ Сан'а (въ Іеменѣ) въ поискахъ пропавшихъ своихъ верблюдовъ, случайно набрелъ на этотъ засыпанный пескомъ городъ, взялъ оттуда нѣсколько мѣшечковъ мускусу и камфоры и нѣкоторые яхонты и затѣмъ поѣхалъ въ Дамаскъ къ Моавіи. Моавія послалъ къ главному тогдашнему авторитету по вопросамъ древней исторіи, знаменитому принявшему исламъ еврею Ка'б-ал-Ахбару за разъясненіемъ. Ка'бъ отвѣтилъ, что это и есть упомянутый въ Коранѣ городъ, построенный Шедд'адомъ, сыномъ 'Ада, что достуль къ нему невозможенъ, и что никто уже не увидитъ его, кромѣ одного человѣка, примѣты котораго такіе-то и такіе-то. Примѣты оказались вполне подходящими къ Абдаллахъ-ибн-Кил'абѣ. Тогда халифъ сказалъ Абдаллаху: «ты прекрасное намъ преподаль увѣщаніе, но то, что недоступно — невозможно». Затѣмъ онъ далъ ему подарокъ и Абдаллахъ ушелъ.

По другому, неназванному источнику, Якутъ далѣе сообщаетъ, что въ Хадрамаутѣ случайно наткнулся на сооруженіе Шедд'ада ибн-'Ада въ видѣ вырубленнаго изъ скалы зданія, 100 локтей въ длину, 40 локтей въ ширину; въ передней части его стояли два трона изъ золота, на одномъ изъ которыхъ сидѣлъ человѣкъ громаднаго роста. У головы его была скрижаль, на которой читались 4 арабскихъ стиха, тутъ же Якутомъ приводимые. Въ нихъ царь Шедд'адъ повѣствуетъ о своемъ величій, о своей гордынѣ и томъ, какъ онъ пренебрегъ предостереженіями пророка Н'уда и какъ онъ и его народъ погибли. Этотъ разсказъ Якутъ сопровождаетъ замѣчаніемъ¹⁾:

«Я говорю: этотъ разсказъ изъ тѣхъ, относительно которыхъ я раньше предупредилъ, что я за достоверность ихъ не ручаюсь, и

1) I, 216, 1—2.

намъ сдается, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ рассказамъ, которые изукрашены и расписаны народными проповѣдниками¹⁾.

Подъ словомъ Шйзъ (городъ въ Азербейджанѣ) нашъ авторъ рассказываетъ разныя удивительныя вещи какъ о самомъ городѣ, такъ и о находящемся въ немъ капищѣ огнепоклонниковъ и заканчиваетъ статью слѣдующими словами²⁾»:

«Говорить презрѣнный рабъ Божій, авторъ этой книги: все это со словъ Абу-Долеф-Мис'ар-ибн-ал-Муһалһиля, поэта. И я отрекаюсь отъ речательства за достовѣрность его, ибо съ его словъ рассказываютъ необыкновенное и лживое. Я же передаю это совершенно такъ, какъ нашель, а Богъ лучше знаетъ».

Длинная статья Якута объ ал-Сйнѣ³⁾ почти цѣликомъ⁴⁾ заимствована пмъ у того же Абу-Долефа, цитатѣ изъ котораго онъ предпосылаетъ слѣдующее общее замѣчаніе⁵⁾:

«Вотъ кое-какія свѣдѣнія объ отдаленнѣйшемъ ал-Сйнѣ, которыя я сообщаю въ такомъ видѣ, какъ я ихъ нашель, не ручаясь за ихъ достовѣрность. Если они достовѣрны — то моя цѣль достигнута, если же они лживы, то ты узнаешь, что люди говорятъ. Дѣло въ томъ, что эти страны очень далеки: мы никого не видѣли, кто бы туда пошелъ и далеко проникъ. Купцы посѣщаютъ только окраины ихъ, которыя называются ал-Джава, лежатъ на берегу моря и похожи на индійскія страны. Оттуда привозятъ алоэ, камфору, сумбулъ⁶⁾, гвоздику, мускатный цвѣтъ, травы сйнскія и глиняную посуду сйнскую. Что же касается до странъ царя (ал-Сйна), то мы не встрѣчали никого, кто бы ихъ видѣлъ, но я читалъ въ одной древней книгѣ нижеслѣдующее:

«Написалъ намъ Абу-Долеф-Мис'ар-ибн-Муһалһиль, описывая то, что онъ самъ видѣлъ и чему былъ свидѣтелемъ въ странахъ тюрковъ, въ ал-Сйнѣ и ал-Һиндѣ. Онъ говорить»: . . .

Все затѣмъ слѣдующее до стр. ۴۰۷, 4 взято изъ Абу-Долефа. На стр. ۴۰۷, 5 — 10 все тотъ-же Абу-Долефъ рассказываетъ о находящемся въ индійскомъ городѣ Мультанѣ знаменитомъ капищѣ, и его главной свя-

1) ал-Куссас الغصاص. Это — уличные проповѣдники, которые назидательными исторіями услаждали слухъ толпы, ничѣмъ не стѣсняясь въ своихъ фантазіяхъ. О томъ, какъ они обращались съ *ладисами*, см. Goldziher, Muhammedanische Studien II, p. 163—168.

2) III, ۴۰۴, 1—3.

3) III, ۴۴۴, 8—۴۰۷, 9.

4) За исключеніемъ первой страницы.

5) III, ۴۴۰, 6—13.

6) Нардъ или лаванда.

тынѣ, громадной статуѣ Будды. Самое зданіе имѣетъ въ вышину 300 локтей, а статуя 100 локтей. Статуя не стоитъ на пьедесталѣ и не держится сверху спущенными цѣпами, а виситъ на воздухѣ. Отъ ея головы до крыши зданія — 100 локтей и отъ ея ногъ до пола — 100 локтей. Тутъ Якутъ разсказъ Абу Долефа прерываетъ замѣчаніемъ¹⁾:

«Вотъ это чистая ложь, ибо объ этомъ самомъ идолѣ упоминаетъ еще ал-Мединій въ своей книгѣ о завоеваніи ал-Инда и ал-Синда и говорить, что длина статуи двадцать локтей».

Послѣ этого перерыва выписка изъ Абу Долефа продолжается до конца статьи объ ал-Синѣ.

X.

Приведенныя въ предъидущемъ параграфѣ критическія замѣчанія Якута даютъ намъ безъ всякаго сомнѣнія право сказать, что нашъ компиляторъ относится къ авторамъ приводимыхъ имъ, по подозрительныхъ ему, по той или другой причинѣ, свѣдѣній далеко не шаблонно. Одной фантастичности, одной только кажущейся баснословности, одного только явнаго стремленія къ преувеличенію цифръ или размѣровъ недостаточно, чтобы вызвать у него рѣзкіе отзывы. Не только съ нашей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія образованнаго мусульманина временъ Якута разсказы о Рямѣ, о Мѣдномъ городѣ, о Стѣнѣ Яджуджа, о сфинксахъ, о городѣ Иремѣ, о Вавилонѣ и пр. безъ сомнѣнія имѣютъ прямо баснословный характеръ, Якутъ самъ имъ не вѣритъ и вполне ясно даетъ своимъ читателямъ понять, что онъ имъ не вѣритъ. Но сообщающіе эти факты авторы, какъ названные имъ, такъ и неназванные, не порицаются имъ; они остаются въ его глазахъ тѣми же «прославившимися передачей знанія», «учеными», «умными» мужами. Нѣсколько иронически онъ относится къ «изукрашеннымъ» сказаніямъ уличныхъ проповѣдниковъ. Только беззащитныя розсканія александрійцевъ о чудесномъ маякѣ въ Александріи вызываютъ послѣ личнаго осмотра его остатковъ рѣзкую отвѣдь распространителямъ ихъ, которые «не стыдятся и не боятся Бога». Прямое же, повторное, обвиненіе названнаго по имени автора во лжи, Якутъ кромѣ Ибн-Фадлана бросаетъ въ лицо только одному еще автору. Рѣчь идетъ о путешественникѣ-поэтѣ Абу-Долефѣ, воспользовавшемся, какъ онъ самъ разсказываетъ, прибытіемъ посольства царя ал-Сйна ко двору Саманида Наср-ибн-Ахмеда и снаряженіемъ со стороны послѣдняго отвѣтнаго посольства въ ал-Синъ для того, чтобы удовлетворить своей страсти къ путешествіямъ. Онъ присоединился къ по-

1) III, 100, 11—12.

сольству и, впоследствии, составилъ описание своего путешествія въ формѣ записки или посланія, *risāla* رسالة, къ двумъ высокопоставленнымъ, но намъ по имени неизвѣстнымъ особамъ. Якутъ нашелъ это письмо въ «одной старой книгѣ», и сообщаетъ намъ его начало, конецъ и весьма многочисленныя, иногда очень длинныя, выписки изъ него. Наибольшая часть свѣдѣній, которыя даетъ Якутъ о тюркскихъ племенахъ и объ ал-Синѣ (Китай, Индія за Гангомъ и Индокитай) онъ заимствуетъ изъ Абу-Долефа. Самая длинная цитата изъ него, подъ словомъ ал-Синъ, уже давно была особо издана ¹⁾. Впоследствии покойный В. В. Григорьевъ посвятилъ «сказанію» Абу-Долефа и главнымъ образомъ той его части, которая описываетъ Среднюю Азію, особое изслѣдованіе въ журналѣ Мин. Нар. Просв. за сентябрь 1872, «Объ арабскомъ путешественникѣ X вѣка Абу-Долефѣ и странствованіи его по Средней Азіи». Въ этомъ классическомъ въ своемъ родѣ изслѣдованіи, одной изъ лучшихъ ²⁾ вообще работъ по средневѣковой арабской географіи, В. В. Григорьевъ, подвергнувъ маршрутъ и показанія Абу-Долефа тщательному критическому анализу по существу, приходитъ къ выводу, что «въ основѣ сказанія, приписываемаго Абу-Долефу, не лежитъ никакого дѣйствительнаго путешествія, а есть оно только компиляція изъ вычитаннаго и услышаннаго отъ другихъ» (см. стр. 19 отд. оттиска). Съ этимъ выводомъ можно согласиться или не соглашаться, но онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ отношеніе только къ путешествію по невѣдомымъ краямъ средней Азіи (не мусульманской), Китая и Индіи, ибо въ фактѣ многочисленныхъ путешествій Абу-Долефа по мусульманскому востоку сомнѣнія быть не можетъ. Якутъ цитуетъ Абу-Долефа болѣе 30 разъ, и часто съ его словъ сообщаетъ разныя чудесныя свѣдѣнія. Довѣряя онъ ему весьма мало и поэтому не разъ оговаривается, снимая съ себя отвѣтственность или же поправляя его, и вотъ тутъ-то мы, рядомъ съ болѣе мягкими формами такихъ оговорокъ (I, ۳۹۴, 1—3; II, ۷۴., 4; II, ۹۳, 7—8, IV, ۰۴۳, 12 и 18) встречаемъ и приведенныя выше рѣзкія выраженія, напоминающія отзывы объ Ибн-Фадланѣ. Особенно характерно то, что Якутъ въ последнемъ приведенномъ нами мѣстѣ свою рѣзкую критику мотивируетъ ссылкой не на собственный опытъ, а на другого автора, которому онъ очевидно довѣряетъ.

Спрашивается теперь, какіе мы должны сдѣлать выводы изъ всего

1) Первая часть ея—была дѣликомъ внесена ал-Казвиніемъ въ его космографію изъ котораго и издалъ ее К. фонъ-Шлецеръ подъ заглавіемъ Abu-Dolef Misaris ben Mohalhel de itinere Asiatico commentarius. Berol. 1845.

2) Единственнымъ, съ нашей точки зрѣнія крупнымъ, методологическимъ недостаткомъ ея является полное игнорированіе всего того, что даетъ Якутъ для характеристики Абу-Долефа, и отсутствіе всякой попытки къ выясненію отношеній Якута къ Абу-Долефу.

предыдущаго? Не вправѣ-ли мы сказать, что рѣзкіе отзывы Якута объ Ибн-Фадланѣ *не* являются лишь вспышками придирчивости, а имѣютъ характеръ сознательнаго и вполне обдуманнаго выраженія его сильнаго недо- вѣрія къ автору записки о путешествіи арабскаго посольства въ Болгарь? Степень этого недо- вѣрія, быть можетъ удалось бы еще нѣсколько точнѣе опредѣлить, если бы у насъ былъ подъ рукой такой сводъ всѣхъ критиче- скихъ отзывовъ Якута объ источникахъ, о которомъ мы говорили выше, на стр. 60. Но самый фактъ существованія сильнаго недо- вѣрія его къ Ибн- Фадлану не измѣнился бы оттого, что кромѣ Ибн-Фадлана и Абу-Долефа, между названными имъ по имени источниками оказались еще и другіе ав- торы, къ которымъ онъ относился также недо- вѣрчиво. Такимъ образомъ недо- вѣрчивое отношеніе Якута къ Ибн-Фадлану можетъ быть признано доказаннымъ, а если это такъ, то, очевидно, оно не можетъ быть замачи- ваемо безъ нарушенія основныхъ правилъ исторической критики, и тогда возникаетъ вопросъ: *насколько* Якутъ былъ правъ въ этомъ своемъ не- до- вѣрїи и *насколько* оно должно быть принято во вниманіе при общей оцѣнкѣ значенія сохранившихся отрывковъ Записки? Отвѣчать на этотъ вопросъ не входитъ въ задачу настоящей работы, которая имѣла прежде всего цѣлью выяснить отношеніе къ автору знаменитой Записки того един- ственнаго, до сихъ поръ извѣстнаго, арабскаго писателя, который видѣлъ и читалъ *ее всю*, и сохранилъ намъ отрывки изъ нея, возбудившіе столь глубокой интересъ ученаго міра.

Бар. В. Розень.

СПБ. Январь 1903.